

ПЛОТНЫМ, перегорожившим реку, и канатами, соединившим море. Десятки миллионов гектаров поднятой целины. Дрейф полярных станций. Покорение высочайших вершин Памира. Разработка новых нефтяных и угольных месторождений. Мировые рекорды в спорте...

Вот она, наша сегодняшняя, советская жизнь! Все это — деяния людей нового, социалистического общества — людей с сильной волей и крепкими мускулами, с огромным запасом энергии и настойчивости.

Завтра — Всесоюзный день физкультурника, празднование которого в нынешнем году приурочено к открытию Спартакиады народов СССР. Завтра молодость страны Советов — веселая, жизнерадостная молодость, одетая в бронзу мускулов, — выйдет на свой парад.

Без малого тридцать лет назад, в августе 1928 года, Москва принимала участников первой Всесоюзной спартакиады. С тех пор страна наша прошла огромный путь. Огромное развитие получила и советский спорт. Он стал потребностью миллионов, помощником в труде.

Большое можно увидеть в малом. Жил в Ленинграде подросток Дима Иванов, хилый и болезненный на вид. Впрочем, не только на вид, но и по заключению врачей. Это было следствием перенесенной болезни.

Три года назад один канадский специалист по тяжелой атлетике писал: «Иванов из всех легковесов мира обладает наилучшими физическими данными».

О ком идет речь? О том самом хилом ленинградском подростке! Что же, может быть, он испил воды из какого-либо чудотворного источника? Да, только за «живой водой» из этого источника не надо пускаться в дальнее плавание; источник этот у каждого, что называется, под рукой: спорт.

Иванов начал свой путь к мировым рекордам в собственной комнате, где он каждый вечер «нагуливал» силу, упражняясь с гантелями, которые ему заменяла пара обыкновенных утюгов. Продолжая этот путь в тяжелой атлетической секции «Спартака», он через три года выполнил норму мастера, а спустя еще несколько лет стал рекордсменом и чемпионом Советского Союза, Европы, мира.

Эта история вовсе не исключительная. Подобных примеров немало. Не все, конечно, завершили такой путь получением звания чемпиона мира, но все завершили его спортивными, сильными, выносливыми людьми. А таким людям и жить и работать легче.

Есть известное определение: физкультурник берет годы. Это сказано очень точно и выразительно. Да, физкультурник берет годы, отодвигает старость. Она источник не только физической, но и духовной бодрости, свежести, неутомимости. Вот почему спорт для советских людей — верный спутник в их борьбе за лучшее будущее, на пути к великой цели — построению коммунистического общества.

приобщила к регулярным спортивным занятиям миллионы массы трудящихся. Проследив историю отечественного физкультурного движения на всех его этапах, не найдешь другого примера, когда бы в течение двенадцати месяцев было подготовлено такое количество мастеров спорта (1021) и перворазрядников (17 596), как это случилось в прошлом году.

По предварительным данным, в подготовке к Спартакиаде приняло участие не менее 17 миллионов человек. А это означает, что 17 миллионов советских людей укрепили свое здоровье. Вот что самое главное!

Здоровье народа — цель номер один для нашего спорта. Для достижения этой цели существуют и нас институты и техникумы, выпускающие квалифицированных тренеров и преподавателей физическо-го воспитания, строятся стадионы и дворцы физкультуры, водные и лыжные станции, альпинистские лагеря и туристские базы.

Строительство гигантского спортивного комбината в Лужниках — ярчайшее проявление неустойчивой заботы партии и правительства о здоровье народа. А сколько у этого гиганта младших братьев! Менее замеченных прошло, например, открытие в августе прошлого года стадиона в колхозе «Красная звезда» Краснодарского края. А ведь это тоже очень отрядный и знаменательный для нашего образа жизни факт: правление колхоза отпустило траста с лишним тысяч рублей на строительство собственного «комбината здоровья», комсомольцы и молодежь своими руками соорудили его, и вот теперь он входит в число действующих стадионов страны. И какой стадион — с двумя футбольными полями, волейбольными, баскетбольными и городскими площадками, 400-метровой гаревой беговой дорожкой, с раздевалками, душевыми, с трибунами для зрителей!

В канун праздника людям свойственно не только вспоминать о прошлом, сравнивая его с настоящим, но и думать о будущем. Представляя себе будущее нашего спорта, видишь многое такое, о чем сегодня мы только мечтаем. Видишь человека, который, вернувшись с работы и задумав «кряхтеть» на спортивной площадке, предельно точно решает эту задачу: ему не нужно ехать через весь город туда, где расположен стадион его ведомства или профсоюза, — перед ним гостеприимно распахнуты ворота любого стадиона, и там ему предоставят инвентарь и место на площадке, помогут советом тренеры. А может быть, этому человеку проще будет отправиться на ближайший бульвар или сквер, где за недорогую плату он получит ракетку, мячи. А может быть, ему достаточно будет спуститься к себе во двор, где оборудована волейбольная площадка, установлены столы для настольного тенниса, или заглянуть в помещения первого этажа, где проектировщики предусмотрели не только магазины, парикмахерские, ателье и прочие безусловно необходимые учреждения, но и не менее необходимый спортивный зал.

Заглядывая в это будущее, мы видим и как стало традицией — раз в три, четыре или пять лет — организовывать спартакиады народов СССР, подобно тому как стали традицией олимпийские игры или всемирные фестивали молодежи. Появился эта традиция раньше, сегодняшние достижения наших спортсменов, без сомнения, были бы уже достижениями вчерашнего дня, а то, что мы планируем на завтра, было бы выполнено сегодня.

Все это — будущее, которое надо приблизить к нашим дням. Надо, чтобы появились на экранах больше спортивных фильмов, совсем не похожих на нынешние, которые известны лишь мелодиями песен и маршей, нежели мыслями, идеями, образами, а на прилавках магазинов, в библиотечных полках — больше романов, повестей, сборников рассказов о спорте и спортсменах.

Десять с половиной тысяч молодых людей — строителей коммунизма выйдут завтра на парад молодости. В борьбе за первенство вступят лучшие представители советского спорта всех республик нашей многонациональной Родины.

Счастливого старта и больших побед, молодые друзья! Просто это сводная колонна вышла на торжественный парад. Возглавляла юности отряды, гордо знаменосцы пронесли в Лужниках, на старт Спартакиады лучшие цвета родной земли.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 92 (3593) Суббота, 4 августа 1956 г. Цена 40 коп.

ФОРУМ „ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ“

Чкаварты РАДЖАГОПАЛАЧАРΙΑ, индийский государственный деятель

НАРОД ИНДИИ — ЗА МИР

Ответ на первый вопрос: Мое отношение самое благоприятное. Ответ на второй вопрос: Реальная польза выразилась бы в мире и существовании. Другая альтернатива — конфликт, война и разрушение. Мой народ — это народ Индии. Он все получит от мира во всем мире и лишится всего, если возникнет мировая война.

с Rajagopalchar MADRAS, Индия

Пауль КАМЕННИЦ, президент общества Швейцария — СССР

МИРНОЕ СОРЕВНОВАНИЕ — В ИНТЕРЕСАХ ПРОГРЕССА

Охотно откликнулся на вашу просьбу высказать свое мнение по вопросу о мирном сосуществовании. Мирное сосуществование между народами является основой для распространения научных открытий и художественных ценностей, которые в противном случае остаются в узких рамках одной страны. Только благодаря мирному сосуществованию творческие достижения отдельных народов могут стать общим достоянием всех людей и приносить им пользу. Мирное сосуществование в высокой степени стимулирует мирное соревнование между народами, побуждает их творить в интересах прогресса и блага всех людей.

Мирное сосуществование — также основа для экономического обмена и взаимной выгоде всех участвующих в нем. Мирное сосуществование со своими соседями всегда было жизненно важным элементом в истории Швейцарии. Оно оказывало значительное влияние на жизнь в нашей стране. Духовная жизнь Швейцарии была бы немислямой, если бы она не вбирала в себя элементы духовной жизни соседних и других народов.

В Швейцарии, в центре Европы, скрещиваются все духовные течения, оказывая плодотворное влияние на национальную жизнь страны. Швейцария представляет собой образцовый пример того, насколько важно мирное сотрудничество между расами и народами. Три национальных языка, на которых говорят в Швейцарии, содействуют общему обогащению всей нашей национальной жизни.

Так как Швейцария располагает лишь немногими видами сырья, ее промышленность зависит от импорта и экспорта. Ввоз сырья из всех стран мира и вывоз высококачественных товаров во все страны возможны только в условиях мира. Экономическая жизнь Швейцарии покоится на мирном сосуществовании.

Вполне очевидно, что в результате официального признания политики мирного сосуществования между Швейцарией и СССР культурный и экономический обмен может достигнуть такого уровня, который трудно переоценить с точки зрения блага обоих народов.

ВАЗЕЛЬ, Швейцария

The Literary Gazette Forum

Le Forum de la Gazette Littéraire

Das Forum der Literarischen Zeitung

В четвертый раз мы публикуем высказывания участников международного форума «Литературной газеты» — представителей разных стран, людей различных политических взглядов.

1. Каково ваше отношение к идее мирного сосуществования?

С просьбой ответить на эти вопросы редакция обратилась ко многим зарубежным деятелям. Ранее полученные ответы были помещены на страницах газеты 19 мая, 5 июня и 10 июля 1956 года. Сегодня обмен мнениями по вопросу о мирном сосуществовании — важнейшей проблеме современности — продолжается. В нашем форуме — трибуне заочной дискуссии — выступают:

Чкаварты Раджагопалачария — видный индийский политический деятель. В прошлом губернатором Индии, занимал ряд министерских постов в индийском правительстве. В феврале этого года он приветствовал предложение СССР о прекращении испытаний водородной бомбы и о заключении договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и США. Пауль Каменниц — швейцарский художник, президент общества «Швейцария — СССР». Эрик Лундквист — шведский писатель, «не-

презойденный мастер очерка в нашей стране», как называет его шведская пресса. Он написал несколько книг об Индонезии («Даяк», «В джунглях», «Савак», «Балийские легенды» и другие), где прожил много лет и живет в настоящее время.

Константин Пархон — маститый румынский ученый, Герой социалистического труда, почетный президент Академии наук Румынии. Его перу принадлежат около тысячи работ в области медицинских наук, опубликованных более чем за полвека научной деятельности. К. Пархон — председатель Генерального совета Румынского общества дружественных связей с Советским Союзом (АРЛУС).

Пьер Гаскар — французский писатель. Его книга «Время мертвых» (в ней автор описал ужасы гитлеровских концентрационных лагерей, узников которых он был) получила во Франции Гонимурскую премию. В прошлом году он выпустил книгу «Открытый Китай», в которой рассказал о своей поездке в эту страну и острожно отозвался о великих преобразованиях, осуществляемых китайским народом. П. Гаскар — сторонник расширения связей между Францией и СССР.

Токусубуро Дэн — японский писатель и общественный деятель. Он член Всемирного Совета Мира, генеральный секретарь Японского комитета солидарности стран Азии.

ЖИЗНЕННО ВАЖНО ДЛЯ ВСЕХ

Только сейчас я получил письмо, в котором вы просите меня ответить на вопросы о мирном сосуществовании.

Теперь я не живу в Швеции. Проведя там три последних года, я в феврале вновь вернулся в любимую Индонезию, где прожил лучшие двадцать лет моей жизни. В настоящий момент я нахожусь на острове Бали и занят подготовкой к съемкам фильма об Индонезии. Понимаю, что мой ответ вы получите с опозданием, но тем не менее все же выскажу свое мнение.

1. Я полагаю, что всякий, кто мирному сосуществованию предпочитает войну (холодную или горячую), — безумец. 2. Не могу сказать, какие преимущества принесло бы мирное сосуществование именно «моему народу». Я никогда не был особенно националистически настроен, а ныне рассматриваю национализм как бациллы военной опасности. Я уверен, что мирное сосуществование так необходимо, так жизненно важно для всего человечества, что мне и в голову не приходит задумываться над тем, какие именно особые выгоды извлекала бы из него Швеция.

Самым прекрасным следствием мирного сосуществования было бы, разумеется, то, что

нам не пришлось бы бояться войны. Далее наступило бы ослабление напряженности между Востоком и Западом, что дало бы множеству людей возможность убедиться в том, что не все обитатели противоположного лагеря — злодеи. Множество людей стало бы смотреть на коммунизм без слепого страха и оценило бы все то хорошее, что в нем есть. Мирное сосуществование привело бы к установлению климата, гораздо более благоприятного для взаимопонимания.

Говоря о связанных с этим улучшениях, я не имею в виду улучшения, главным образом, материального характера. Конечно, весьма важно, чтобы у людей была еда, чтобы она имела в изобилии и чтобы им не приходилось беспокоиться о том, как ее раздобыть.

Но ведь это еще не все. Сравнительно относительно бедных индонезийцев с более чем обеспеченными шведами, я должен сказать, что индонезийцы часто получают от жизни гораздо больше, чем шведы, что они счастливее. Часто это объясняется тем, что у индонезий-

цев есть идеалы. Сначала они боролись за свою свободу, теперь они борются за то, чтобы создать что-то из завоеванной ими свободы. Народы, имеющие нечто драгоценное, за что стоит бороться, — самые счастливые, и не так уж им важно, есть ли у них хлеб или нет. У шведов сейчас только такие «идеалы»: иметь еще больше еды, еще более быстрое движение автомобилей, еще больше радиоприемников и т. д. Такие «идеалы» не могут поддерживать внутри нас горение, которым мы охвачены, когда чувствуем подлинный смысл жизни.

В нынешнее время Запад крайне нуждается в таких лидерах или в такой вере, которые могли бы вдохнуть в него новые идеалы, достойные человечества. При наличии таких подлинных идеалов все материальные вопросы могли бы быть разрешены весьма быстро. Необходимая отправная точка для этого — мирное сосуществование.

С наилучшими пожеланиями

Эрик Лундквист, шведский писатель

ВЕЛИКОЕ БЛАГО

На поставленные вами два вопроса отвечаю: Я убежден в том, что мир между народами может быть установлен и что мир может быть сохранен и между народами с различным общественным строем — социалистическим или коммунистическим с одной стороны, капиталистическим или империалистическим — с другой. Торговые отношения между народами с различным общественным строем могут помочь обему странам.

Наш народ заинтересован в сохранении мира, в том огром-

ном благе, которое он представляет. Ибо народ наш не желает, как только имеет возможность спокойно работать в целях дальнейшего развития своей промышленности и своего сельского хозяйства, развития культуры, сохранения и упрочения наилучших отношений с СССР, с демократическим Китаем и со всеми остальными странами народной

демократии, равно как и со всеми прочими государствами Европы и других континентов. Дальнейшее развитие наших торговых связей в мирных условиях значительно поможет процветанию нашего народа.

Прошу принять уверения в моем глубоком уважении.

К. И. ПАРХОН, румынский ученый

От механизаторов совхозов не отстают и комбайнеры машинно-тракторных станций, ведущие жатву на полях в колхозах. Механизаторы Узун-Агачской МТС Алма-Атинской области Яков Лемин, Матвей Кель, Лаврентий Бранцев довели дневную выработку на «С-6» до 40 гектаров.

Среди механизаторов юга ширится соревнование — быстрее завершить у себя косовую хлебов, с тем чтобы помочь труженикам целины северных областей в лучшие сроки убрать обильный урожай. Многие уже готовы в дорогу.

ВЫБОРНАЯ ЖАТВА

На севере республики жатву пока начали лишь в Павлодарской области. Намолоты превосходят все ожидания — по 100 пудов с гектара. А давно ли земледельцы в Прииртышье считались «условными» в остальных хлебородных областях — канун жатвы. Здесь все приведено в «боевую готовность»: составлены планы, распределены машины, разбиты на участки поля.

демократии, равно как и со всеми прочими государствами Европы и других континентов. Дальнейшее развитие наших торговых связей в мирных условиях значительно поможет процветанию нашего народа.

Прошу принять уверения в моем глубоком уважении.

Пьер Гаскар, французский писатель

Токусубуро Дэн, японский писатель

Залог расцвета

1. Отрицать возможность мирного сосуществования — значит, естественно, признавать необходимость войны. А поскольку признается необходимость войны, становятся бессмысленными усилия сохранить мир.

2. К сожалению, до сих пор японское правительство поддерживало политику создания военных блоков для новой войны, политику, продвигавшую правительство США, и занимало крайне отрицательную позицию по отношению к Советскому Союзу, Китаю и другим странам народной демократии.

Вследствие этого японский народ впадает во все большую зависимость от другой страны, вынужден нести все возрастающие бремя военных расходов и терпеть серьезные экономические урон.

Политика мирного сосуществования с Советским Союзом, с Китаем и всеми другими государствами будет способствовать укреплению самостоятельности Японии и обеспечению ее расцвета.

ТОКИО, Япония

Видели ручей? Тоненькая-тоненькая ниточка бежит с гор. А вокруг — жара яесуветная. Ну, кажется, еще покрепче прицепит, и выхочет ручей. Ах, нет! Прицепит крепче солнце, растает в горах снег — и ручеек стечет полноводным.

Тонким ручейком стала когда-то жизнь через казахские степи. Но советский народ, ведомый мудрой ленинской партией, словно солнце, растопил извечные ледники, и мелкий ручей превратился в полноводную бурлящую реку...

На полях Казахстана

ХЛЕБ КАРоя

Мне удалось побывать во вновь созданных совхозах — Рославльском, Илийском, Каскеленском, Аксенгерском в Алма-Атинской области.

Дать 5 миллионов пудов — обязательство рославльцев. Но теперь ясно, что это обязательство будет значительно перекрыто. Слыше чем на 50 тысячах гектаров здесь днем и ночью ведут жатву 170 мощных комбайнов. Весною, когда сеяли, думали снять по 10 центнеров на гектар, а теперь намолачивают по 15—20. Отдельные массивы дают по 25 и 30 центнеров с гектара. В Илийском совхозе урожай еще выше.

А ведь недавно многие, в том числе и специалисты, утверждали, что на этих брошенных, песчаных землях, которые тянутся от Алма-Аты к Прибалханию, годами не бывает дождей и земледелие немислямо. Их считали пустынями, и сами их называли «Барой» (черные поля), Чаян (скорпион) и другие, подобные им, — говорят сами за себя. Раньше эти земли использовались для весенних выпасов — в начале июля растительность здесь выгорала, земля становилась сухой, черной. Но советские люди возродили эту пустыню к новой жизни. Оказалось, что пески хорошо аккумулируют влагу, только уберечь снег.

Новоселы новых совхозов, распахавшие подлупуточные земли, справились с трудной задачей. И теперь они пожинают плоды своего труда.

Уборка на Карое неслуха. Летом здесь тихо, душно. Сейчас стоит жара. Воду возят издалека; то и дело перегреваются моторы тракторов, комбайнов и автомашин, но люди работают без устали. Битва за хлеб не затихает ни на минуту. Особенно прекрасны степи ночью, озаренные мирадами движущихся огней.

Мощным потоком идет хлеб Кароя. Его добывают люди великого мужества и умения. В Рославльском совхозе пользуются уважением семья потомственных механизаторов Рейфштер. Этот «семейный агрегат», на котором работают отец, два сына и дочь, ежедневно убирает на «С-6» до 30 гектаров и намолачивает 550—600 центнеров пшеницы.

В Каскеленском совхозе славятся капитаны степных кораблей Петр Кирюшенко и соревнующийся с ним кубанец Евгений Лебедь. Кирюшенко на сцене двух комбайнов «С-6» убирает до 50 гектаров в день, его намолот — 23—25 центнеров с гектара. В Аксенгерском совхозе, где широко применяется групповой метод колхозников, первенство держат комбайнеры Алексей Лазаренко и Богдан Савицкий.

демократии, равно как и со всеми прочими государствами Европы и других континентов. Дальнейшее развитие наших торговых связей в мирных условиях значительно поможет процветанию нашего народа.

Прошу принять уверения в моем глубоком уважении.

Пьер Гаскар, французский писатель

Токусубуро Дэн, японский писатель

Залог расцвета

1. Отрицать возможность мирного сосуществования — значит, естественно, признавать необходимость войны. А поскольку признается необходимость войны, становятся бессмысленными усилия сохранить мир.

2. К сожалению, до сих пор японское правительство поддерживало политику создания военных блоков для новой войны, политику, продвигавшую правительство США, и занимало крайне отрицательную позицию по отношению к Советскому Союзу, Китаю и другим странам народной демократии.

Вследствие этого японский народ впадает во все большую зависимость от другой страны, вынужден нести все возрастающие бремя военных расходов и терпеть серьезные экономические урон.

Политика мирного сосуществования с Советским Союзом, с Китаем и всеми другими государствами будет способствовать укреплению самостоятельности Японии и обеспечению ее расцвета.

ТОКИО, Япония

Видели ручей? Тоненькая-тоненькая ниточка бежит с гор. А вокруг — жара яесуветная. Ну, кажется, еще покрепче прицепит, и выхочет ручей. Ах, нет! Прицепит крепче солнце, растает в горах снег — и ручеек стечет полноводным.

Тонким ручейком стала когда-то жизнь через казахские степи. Но советский народ, ведомый мудрой ленинской партией, словно солнце, растопил извечные ледники, и мелкий ручей превратился в полноводную бурлящую реку...

Пьер ГАСКАР, французский писатель

ЗА ДОБРОСОСЕДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ!

Отвечаю на два вопроса о мирном сосуществовании, поставленные вами передо мной. Думаю, что нет на свете человека, который не рассматривал бы как проявление мудрости слова г-на Хрущева, сказанные им недавно в Лондоне по поводу мирного сосуществования.

Если коренной противоположности между социализмом и капитализмом суждено найти в будущем разрешение, то это произойдет не путем войны, а в результате мирного сосуществования, от которого все народы оказываются в выигрыше. Социализм, в той или иной своей форме, выйдет победителем в этом соревновании, но в некоторых районах мира потребуются многие годы, прежде чем эволюция эта закончится. До того времени обе системы должны сосуществовать наиболее плодотворным образом, стремясь реально продемонстрировать, какой вклад они вносят в дело прогресса и благосостояния людей.

Что касается Франции, то для нее мирное сосуществование — просто продолжение уже существующего порядка вещей. Французский народ никогда не переставал питать симпатии к социалистическим странам на Востоке и никогда не думал, что они угрожают миру. Он будет сосуществовать с ними и в дальнейшем, но в атмосфере, свободной от напряжения, которое создавали в последние годы международные кризисы. Эти добрососедские отношения будут сопровождаться все усиливающимся обменом материальными и культурными ценностями между Францией и социалистическими странами.

Мирное сосуществование не означает отказа от своих убеждений. Борьба экономическая и идеологическая будет продолжаться. Но мирное сосуществование покажет воочию, что подлинно человеческие сражения — это сражения мирные.

Прошу вас принять уверения в моих наилучших братских чувствах.

ПАРЖЕ, Франция

Токусубуро Дэн, японский писатель

ЗАЛОГ РАСЦВЕТА

1. Отрицать возможность мирного сосуществования — значит, естественно, признавать необходимость войны. А поскольку признается необходимость войны, становятся бессмысленными усилия сохранить мир.

2. К сожалению, до сих пор японское правительство поддерживало политику создания военных блоков для новой войны, политику, продвигавшую правительство США, и занимало крайне отрицательную позицию по отношению к Советскому Союзу, Китаю и другим странам народной демократии.

Вследствие этого японский народ впадает во все большую зависимость от другой страны, вынужден нести все возрастающие бремя военных расходов и терпеть серьезные экономические урон.

Политика мирного сосуществования с Советским Союзом, с Китаем и всеми другими государствами будет способствовать укреплению самостоятельности Японии и обеспечению ее расцвета.

ТОКИО, Япония

Видели ручей? Тоненькая-тоненькая ниточка бежит с гор. А вокруг — жара яесуветная. Ну, кажется, еще покрепче прицепит, и выхочет ручей. Ах, нет! Прицепит крепче солнце, растает в горах снег — и ручеек стечет полноводным.

Тонким ручейком стала когда-то жизнь через казахские степи. Но советский народ, ведомый мудрой ленинской партией, словно солнце, растопил извечные ледники, и мелкий ручей превратился в полноводную бурлящую реку...

Невидаемые чувства собранности, ответственности охватывают людей в преддверии большой страны. Эти люди, выраставшие несметное множество колосьев там, где никогда не рос ни один колос, страстно желают собрать урожай до последнего зернышка!

НИКОЛАЙ БАЛАШ

АЛМА-АТА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВАЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В последнее время часто упрекают историков, товарищи, от жизни! Это справедливое нарекание в значительной степени относится и к деятелям исторической науки.

Беседа с доктором исторических наук А. А. НОВОСЕЛОВИМ (и. о. директора Института истории Академии наук СССР)

заведется в новом учебном пособии по истории советского общества. Такая книга уже подготовлена, и группа ученых во главе с доктором исторических наук М. П. Бяким занят

заведает ее редактирование. Мы рассчитываем, что вскоре она увидит свет.

Создание полноценных марксистских трудов по истории советского общества позволит во весь рост показать наш замечательный рабочий класс, весь наш трудовой народ, нашу славную Коммунистическую партию.

Большое научное и политическое значение будет иметь разработка таких проблем, как возникновение и развитие строя народной демократии; кризис и распад колониальной системы в эпоху империализма; мировое сосуществование двух социально-экономических систем. От нас ждут популярнейших трудов по истории Англии, Франции и других стран. Вполне понятен интерес к новой и новейшей истории США.

Читатели «Литературной газеты» будут, наверное, интересно узнать, что большая группа сотрудников института готовит очередные тома «Всемирной истории». Второй том выйдет в свет через 3—4 месяца.

«Всемирная история» вызвала большой интерес и за рубежом. Начинается перевод 1-го тома в Италию (здесь предполагается издать весь труд в 20 томах), во Францию и в Германской Демократической Республике. Это приятное для нас событие является лишь одним из проявлений быстро крепнущих научных связей советских историков с зарубежными коллегами. В последние два года мы принимали в Москве многих крупных специалистов из США, Англии, Франции, ГДР. Интересный доклад о современной французской исторической науке сделал профессор Сорбонны Жорж Буржен. Берлинский профессор Юрген Кучинский прочитал несколько лекций по истории рабочего движения. Содержательные лекции прочитали в институте финские ученые. В свою очередь все большее число советских историков отправляется за границу для работы в архивах, чтения лекций и т. д.

В заключение беседы мне хочется сказать несколько слов о том, без чего мы, историки, работать не можем. Речь идет об источниках, об архивных документах, которые для нас имеют такое же значение, как реактивы для химиков.

Как известно, архивное дело в нашей стране централизовано. В Государственном архивном фонде собраны колоссальные богатства, но, к сожалению, многие из них лежат под спудом. До последнего времени была необоснованно засекречена и недоступна для исследователей часть документальных материалов. Широкое научное использование архивных материалов затруднено и тем, что наши архивы не оснащены современной техникой для микрофотокопирования документов и чтения микрофильмов.

Богатейшие документальные материалы по истории героического прошлого нашего народа и в особенности по истории советского общества еще очень мало публикуются, а потому не стали достоянием широкой общественности. Необходимо расширить и улучшить качество публикаторской работы. Очень важно также использовать местные архивы.

В составе Института истории создан особый сектор публикации источников, в задачи которого входит, помимо подготовки к изданию архивных документов по отечественной истории, разработка методики археографии и вопросов источниковедения. В прошлом году начал выходить журнал «Исторический архив», публикующий материалы по истории советского общества и дореволюционной России. В этом году, со второго номера, в журнале введен новый раздел — «Дневники и воспоминания», в котором публикуются воспоминания старых большевиков, участников Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны, переводчиков социалистического строительства.

Непосредственный край работы ждет советских историков. Много целинных, залежных, а то и просто засоренных земель предстоит нам обработать. Для этого нужны вооруженные исследователи, свежая и смелая мысль, дух творческого искания. Нет сомнения, что большой и квалифицированный отряд ученых, собранный в нашем институте, не останется в долгу перед советским народом — подлинным творцом истории и внесет свой вклад в развитие советской марксистско-ленинской исторической науки.

«Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев».

Замечу, что попытки подогнать документальный материал под заданную схему — весьма живучая болезнь, и от нее нам, историкам, надо излечиваться самым решительным образом.

Большой коллектив Института истории стремится извлечь для себя уроки из справедливых критики работы историков на XX съезде партии. Недавнее Постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» также имеет принципиальное значение для всей нашей деятельности. Сейчас мы видим главную задачу в том, чтобы дать нашему народу такие труды, в которых история была бы освещена с полновесными научными, марксистскими позиций. Не оглульное охланивание всего сделанного советскими историками, не спаранье из крайности в крайность, а вдумчивая исследовательская работа, подлинно творческая, глубоко принципиальная труд многих научных коллективов обеспечат успешное решение этой задачи.

В короткой беседе трудно рассказать о всех проблемах, которые решаются и будут решаться нашим институтом. Достаточно сказать, что в плане на ближайший пятилетие насчитывается около двадцати крупных тем. Миллионы советских людей — пропагандистов, преподавателей, учащихся — нуж-

дуются в новом учебном пособии по истории советского общества. Такая книга уже подготовлена, и группа ученых во главе с доктором исторических наук М. П. Бяким занят

заведает ее редактирование. Мы рассчитываем, что вскоре она увидит свет.

Создание полноценных марксистских трудов по истории советского общества позволит во весь рост показать наш замечательный рабочий класс, весь наш трудовой народ, нашу славную Коммунистическую партию.

Большое научное и политическое значение будет иметь разработка таких проблем, как возникновение и развитие строя народной демократии; кризис и распад колониальной системы в эпоху империализма; мировое сосуществование двух социально-экономических систем. От нас ждут популярнейших трудов по истории Англии, Франции и других стран. Вполне понятен интерес к новой и новейшей истории США.

Читатели «Литературной газеты» будут, наверное, интересно узнать, что большая группа сотрудников института готовит очередные тома «Всемирной истории». Второй том выйдет в свет через 3—4 месяца.

«Всемирная история» вызвала большой интерес и за рубежом. Начинается перевод 1-го тома в Италию (здесь предполагается издать весь труд в 20 томах), во Францию и в Германской Демократической Республике. Это приятное для нас событие является лишь одним из проявлений быстро крепнущих научных связей советских историков с зарубежными коллегами. В последние два года мы принимали в Москве многих крупных специалистов из США, Англии, Франции, ГДР. Интересный доклад о современной французской исторической науке сделал профессор Сорбонны Жорж Буржен. Берлинский профессор Юрген Кучинский прочитал несколько лекций по истории рабочего движения. Содержательные лекции прочитали в институте финские ученые. В свою очередь все большее число советских историков отправляется за границу для работы в архивах, чтения лекций и т. д.

В заключение беседы мне хочется сказать несколько слов о том, без чего мы, историки, работать не можем. Речь идет об источниках, об архивных документах, которые для нас имеют такое же значение, как реактивы для химиков.

Как известно, архивное дело в нашей стране централизовано. В Государственном архивном фонде собраны колоссальные богатства, но, к сожалению, многие из них лежат под спудом. До последнего времени была необоснованно засекречена и недоступна для исследователей часть документальных материалов. Широкое научное использование архивных материалов затруднено и тем, что наши архивы не оснащены современной техникой для микрофотокопирования документов и чтения микрофильмов.

Богатейшие документальные материалы по истории героического прошлого нашего народа и в особенности по истории советского общества еще очень мало публикуются, а потому не стали достоянием широкой общественности. Необходимо расширить и улучшить качество публикаторской работы. Очень важно также использовать местные архивы.

В составе Института истории создан особый сектор публикации источников, в задачи которого входит, помимо подготовки к изданию архивных документов по отечественной истории, разработка методики археографии и вопросов источниковедения. В прошлом году начал выходить журнал «Исторический архив», публикующий материалы по истории советского общества и дореволюционной России. В этом году, со второго номера, в журнале введен новый раздел — «Дневники и воспоминания», в котором публикуются воспоминания старых большевиков, участников Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны, переводчиков социалистического строительства.

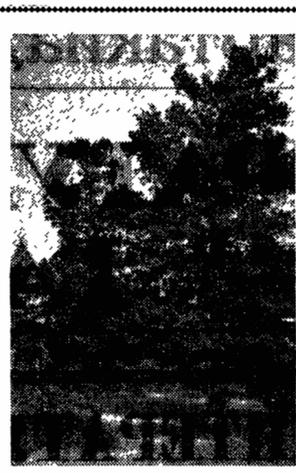
Непосредственный край работы ждет советских историков. Много целинных, залежных, а то и просто засоренных земель предстоит нам обработать. Для этого нужны вооруженные исследователи, свежая и смелая мысль, дух творческого искания. Нет сомнения, что большой и квалифицированный отряд ученых, собранный в нашем институте, не останется в долгу перед советским народом — подлинным творцом истории и внесет свой вклад в развитие советской марксистско-ленинской исторической науки.

«Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев».

Замечу, что попытки подогнать документальный материал под заданную схему — весьма живучая болезнь, и от нее нам, историкам, надо излечиваться самым решительным образом.

Большой коллектив Института истории стремится извлечь для себя уроки из справедливых критики работы историков на XX съезде партии. Недавнее Постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» также имеет принципиальное значение для всей нашей деятельности. Сейчас мы видим главную задачу в том, чтобы дать нашему народу такие труды, в которых история была бы освещена с полновесными научными, марксистскими позиций. Не оглульное охланивание всего сделанного советскими историками, не спаранье из крайности в крайность, а вдумчивая исследовательская работа, подлинно творческая, глубоко принципиальная труд многих научных коллективов обеспечат успешное решение этой задачи.

В короткой беседе трудно рассказать о всех проблемах, которые решаются и будут решаться нашим институтом. Достаточно сказать, что в плане на ближайший пятилетие насчитывается около двадцати крупных тем. Миллионы советских людей — пропагандистов, преподавателей, учащихся — нуж-

Сергей ВАСИЛЬЕВ

ПОД РОДНЫМИ НЕБЕСАМИ

Дружно, с места мы берем по команде вчетвером. Как по вздоху крыло, за вздохом летит весло. Дует с юга на восток легкий, свежий ветерок. За кормой кипит волна, восемь миль, а цель одна. Под родными небесами вместе с нами, вместе с нами, как всегда, неразлучно вместе с нами солнце, воздух и вода!

Ерванци, москвичи, кишиневцы, томики, туляки и крымчанки бороздят простор реки. Любо-дорого нам плыть, в жарком споре с ветром быть, с легкой скоростью в ладу, у Отчизны на виду. Под родными небесами вместе с нами, вместе с нами, как всегда, неразлучно вместе с нами солнце, воздух и вода!

Кто там медлит, отстает! Ну-ка полный ход вперед! Ну-ка с чайной нравяно по бурливой глубине! Добрый день, Москва-река, широка и глубока! Хороша речная гладь, есть где силу показать.

Под родными небесами вместе с нами, вместе с нами, как всегда, неразлучно вместе с нами солнце, воздух и вода!

Это интересно, прочтите!

Кто еще не успел прочитать (не просмотреть, а прочитать!) седьмой номер журнала «Знание — сила», советуем сделать это непременно. Если бы то, что так печатанато (вернее, почти все, что печатанато), не было реальностью, можно было бы смело сказать: прочтите сказки, опубликованные в журнале.

Если вам говорят: машина играет в шахки и может обогреть вас; машина переводит с одного языка на другой; — разве это не сказка? Если вам говорят: машина в одну секунду производит несколько тысяч вычислений, и та же машина может сочинить музыку, — разве это не сказка? Все это, несомненно, очень похоже на сказку, если б, повторяю, не было самой настоящей реальностью.

В седьмом номере журнала «Знание — сила», посвященном «диалектике кибернетической науки», печатанато ряд статей, в популярной форме рассказывающих о новых электронных машинах и их огромных возможностях.

«Как и во всяком другом номере журнала», — говорится в обращении к читателю, — вы найдете здесь и статью, и очерк, и рассказ, и научно-фантастическую повесть, и заметку... Но в этом номере, в отличие от других, большинство статей тематически связаны друг с другом, и мы рекомендуем читать их подряд».

Редакция права, но я бы все-таки посоветовал прочесть сначала статью доктора философских наук, профессора математики Э. Колымова «Об кибернетике», статью А. Владимировой «Бунт машины» и кибернетика, а затем — все остальное.

Занимательно написаны статьи «Молниеносный счет» В. Пекельса, «На грани фантастики» Ю. Петровского с остроумными рисунками Я. Мишурина и «Об некоторых проблемах кибернетики» М. Бахметьева.

Надо полагать, что редакция журнала «Знание — сила» будет и впредь помещать отдельные статьи по кибернетике, учитывая, что эта наука движется вперед буквально семимильными шагами.

Георгий ГУЛИА

ЗДЕСЬ ЖИЛ ПОЭТ

ЛЕРМОНТОВО (Пензенская область). На берегу старого пруда в тенистых кущах лип и вязов расположился Государственный музей-усадьба М. Ю. Лермонтова. Здесь, в доме бабушки поэта — Арсеневой, прошли его детские годы. Теперь в десяти просторных залах музея размещена литературно-мемориальная экспозиция. Представлены личные вещи великого русского поэта, написанные им книги и журналы, литература той эпохи, редкие иллюстрации к его произведениям, автографы и скульптуры.

Возле дома стоит древний вяз, на нем юный Лермонтов устраивал качели, а на берегу пруда высится посаженный им дуб. В центре села — небольшая часовня. Здесь под иррампорном памятником покоится прах великого поэта.

К 115-й годовщине со дня смерти М. Ю. Лермонтова музей пополнен новыми экспонатами. Из Пушкинского дома Академии наук СССР в Ленинграде получены гравюры XIX века, вещи, принадлежавшие матери и бабушке поэта, и ценный документ — ответ Лермонтова суду по делу его дуэли с Барантом. Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина и Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина прислали книги Лермонтова, посвященные на 56 языках народов СССР, а также изданные в Чехословакии и Финляндии.

Многолюдно и оживленно в эти дни в музее-усадьбе. Сюда приезжают педагоги и школьники, экскурсионные группы, служащие колхозников. Они посещают также и заповедник «Дубки» (на снимке слева), куда любил ездить поэт и где им была написана поэма «Черкесы».

Фото А. Ерегина

ЗАКОНЧИЛИСЬ МОСКОВСКИЕ ГАСТРОЛИ Киевского русского драматического театра УССР имени Леси Украинки. Хочется размышлять в увиденном — оно было интересным; рассказы о том, что удалось театру, — удачные несомненно; поразмыслить над неудачами — они по-своему поучительны.

НА ГАСТРОЛЯХ В МОСКВЕ

Пожелаем смелости...

Вероятно, зрители, которые внимательно следили за гастролем, сойдутся на том, что самая запоминающаяся актерская работа — образ Протасова, созданный М. Романовым в «Живом трупе», а самый примечательный спектакль — «Мораль пани Дульской» в постановке А. Варшавского. При всем различии в масштабах этих явлений им присуще то, что быть может, всего дороже на сцене: самобытный и значительный замысел, естественность и последовательность его воплощения.

«Живой труп» на нашей сцене трактуется как гневное обвинение официальному лицемерию и ханжеству, однако эта беспорядная мысль находит различное сценическое воплощение.

В одной из самых известных постановок исполнитель роли Протасова, произошедший знаменитый монолог: «Живут три человека: я, он, она», переходит на место следователя, а тот оказывается на месте Протасова и как-то даже смежается под градусом гневных обвинений. Идея спектакля: Протасов — обвинитель, а обвиняемые его лицемерное общество перед ним на самые подосудимые материализуется в нехитрой сценической метафоре. В исполнении Романава такой символизм нет, и тем не менее, а может быть, именно поэтому обвинительный заряд образа выявлен им гораздо острее.

Масштаб личности Протасова, ее незаурядность выражены им с такой силой, что само несчастье и гибель этого человека — вот что становится обвинением ханжеству, лицемерию, лжи. А его Протасов — бесконечно талантлив! Достаточно увидеть, как он слушает пение цыган... Удивительные у него глаза в этой сцене — грустные, чуть мечтательные; они пристально всматриваются, но не в то, что здесь, рядом, а в то, что не было, а не было, а не было, а не было — настоящая жизнь. Мы, глядящие из зала в эти глаза, видим, какие картины возникают перед внутренним взором Протасова, когда, слушая песню, он задумчиво говорит: «Эта степь, эти десятки лет, это не свобода, а воля...» Не в этих ли словах нашего Романава ключ к своему образу Протасова, с его неуязвимой тоской по широте, по воле, по силе, по неслучившейся жизни? У Протасова усталые жесты, усталые глаза, усталый голос и походка усталая... Но под всем этим — творческий огонь, искренность и достоинство. Его большая внутренняя сила почти ни разу не прорывается наружу, но мы чувствуем ее все время, и потому так наполнены, так весомы паузы, так содержательны безмолвные сцены, в которых Протасов — Романов молчит, но где каждое его движение кричит от боли и горя, переполняющих душу.

Протасов — Романов существует на сцене, конечно, не сам по себе, а в спектакле, который, за исключением нескольких промахов, точно и сдержанно поставлен режиссером В. Неали. Но все же, думаю, о спектакле, прежде всего вспоминаешь Романава.

Напротив, когда смотришь «Мораль пани Дульской», в памяти сильнее всего остается общий образ спектакля. Сюжет пьесы Зальповской несложен. В благополучный меншицкий дом врывается беда: единственный сын домогадницы Дульской, бросаю вызов семье и обществу, решает жениться на соблазненной им прислуге. Но бунт молодого Дульского оказывается мимолетным, тут же угасает в воспылании, красной фразой, не более того; на мгновение потревоженная жизнь входит в привычную колею. Вот и все. Нет, не все. Семейная неурядица в доме Дульских показана в спектакле, как зверо в беспорядочной цепи больших и маленьких подлостей, на которых строится показное, эгоистическое, меншицкое счастье. Спектакль начинается при открытом занавесе. На сцене — никого, и мы можем внимательно, не торопясь, взглянуть в квартиру Дульских, оценить тяжесть самоодовольство

приятная задача иллюстрировать текст пьесой.

Гораздо существеннее и глубже недочеты постановки, которая могла бы и должна была стать одной из лучших работ театра, — недаром он открывал ее программу своих гастролов. В «Габели эскарды» (режиссер В. Неали) есть частные удали. Отлично играет старый боцман Бухту В. Халатов; интересен образ адмирала Гранатова в исполнении Ю. Лаврова, построенный на резком противоречии внешней респектабельности, холодного достоинства и панического страха, бессильной, слепой ярости в душе; есть неплохой, особенно в первой половине спектакля, сюжет у А. Решетникова в роли Гайды. Но в целом спектакль не удался. Романтически приподнятая, позачас до патетической речи должна звучать со сцены как выражение огромного внутреннего накала событий и страстей, но ни в коем случае не становится декларацией. Как только со сцены начинает раздаваться театральная декларация, так из спектакля уходит жизнь и остается представление. Делегаты с миноисцев отвечают на вопросы, согласны ли они пойти эскарду. Здесь в каждой реплике — сложное сплетение чувств: горе, гнев, мужество, сознание долга, боль... А со сцены раздается переписка торжественно декламирующих голосов, и этот театральный пафос не только в интонациях; он во многом скрывается и на зрительном образе спектакля, который заканчивается прощанием, поставленным совершенно по-оперному. Спектакль в целом не имеет мужественной простоты, а мешает ему улические внешние приемы игры и режиссуры. Характерна сцена матросской пляски, поставленная как бойкий дивертисмент, никак не связанный с основной линией действия.

Комедия Г. Зальповской сыграна театром со злой беспощадностью, проанализованное понимание того, какой цепкой, живучей силой обладает меншицество даже тогда, когда оно выступает под псевдонимом «спешитов».

...О действительных и мнимых недостатках пьесы Юрия Яновского «Дочь прокурора» сказано много. Следует по достоинству оценить упорство театра, который решил доказать право пьесы на существование не премиями, а постановкой. Это неплохой способ проверки! И если, несмотря на все действительные недостатки пьесы, спектакль, поставленный М. Романовым, привлекает внимание зрителей, то тут, думаем, дело в том, что пьеса хоть и неглубоко, но говорит, к чему может привести неплохого человека примирение с мещанством в собственном доме.

Театр поставил «Дочь на длинных ногах» Эдуардо де Филиппо. Это отличная пьеса, с острым сюжетом, полным неожиданными резкими поворотами при внешней обыденности событий. Лучшая актерская работа спектакля, на мой взгляд, — Г. Долгов в роли Роберто Перретти. Он превращает образ самовлюбленного эгоиста, вздорного болтуна и маньякального скряги в страшный символ той жизни, где все человеческие чувства должны пасть перед его величием — чистоганом.

Центральная роль пьесы — Либери Инкоронато — бедная-неудачник, немного философ, отчасти Дон Кихот и наконец, в финале, бунтарь, бросающий в лицо буржуазному обществу свое исповедание веры. М. Розину удалось не все красиво, не все грани этого сложного образа. Быть может, особенно поначалу его Либери не хватало пронырливости-мудрого отношения к окружающим, недостаёт обаяния.

Молодой режиссер И. Молодова, поставившая этот трудный спектакль, решила прочитать его в стилистической манере итальянских неореалистических фильмов. Стремление понятное. Однако неадекватно, в русле которого и создана «Дочь на длинных ногах», знает не только предельную правдивость и точность в изображении быта, но только внимание к бытовым деталям, но владеет и всеми приемами режиссуры, применяет яркие гротескные краски, любит стремительные ритмы. Эта черта выявлена в спектакле слабее. Наконец, кое в чем изучение итальянских фильмов сказалось на спектакле в форме ученически-подрожательной. Так, например, авторские ремарки превращены постановщиком в дикторский текст, читаемый по радио подчёркнуто пронырливым голосом. Сразу вспоминаются выступления, которые часто открывают итальянские фильмы. Но в пьесе де Филиппо ремарки — не более чем указание режиссеру и исполнителю. Особенно ясна неуместность их чтения вслух, когда оно врывается в действие. Мы видим на сцене задумавшегося Либери, а дикторский голос говорит и о выражении его лица и о его душевном состоянии. Если актер не в состоянии сыграть этого, тогда контраст между поине-

Продит два месяца, и В. С. Новоселова узнает, что «Учительская газета» познаномила редакцию журнала с ее письмом. Наконец вопрос разрешен! Редактор «Литературной в школе» Н. И. Кудряшев принорит учительские свои извинения. Нет, нет, не на страницах журнала, а в письме, отправленном по почте.

Сейчас это письмо перед нами. Кроме извинений редактора, мы находим в нем и весьма любопытные признания, проливающие свет на то, как обходится в журнале с рукописями вообще. Оказывается, «которому было поручено редактирование статьи», просто «не был предупрежден о предварительном условии печатать статью «так, как она написана». Больше ничего! Поэтому то он «допустил излишества» и «сделал произвольную вставку».

Вот, собственно говоря, и все. Что касается заголовка нашего фельетона, то он представляет собой не что иное, как трансформацию второй строки из знаменитого четверостишия Д. Минаева, начинающегося словами:

Здесь над статьями совершают Владельцы убойственный обряд... Мы поставили «тройное» — потому что в редакции, которой посвятил свою эпиграму Д. Минаев статью, где не работает уже 14 лет! Учительница пробует газету деавуировать перед общественностью статью, ошибочно подписанную ее именем...

Вот, собственно говоря, и все. Что касается заголовка нашего фельетона, то он представляет собой не что иное, как трансформацию второй строки из знаменитого четверостишия Д. Минаева, начинающегося словами:

Здесь над статьями совершают Владельцы убойственный обряд... Мы поставили «тройное» — потому что в редакции, которой посвятил свою эпиграму Д. Минаев статью, где не работает уже 14 лет! Учительница пробует газету деавуировать перед общественностью статью, ошибочно подписанную ее именем...

приятная задача иллюстрировать текст пьесой.

Гораздо существеннее и глубже недочеты постановки, которая могла бы и должна была стать одной из лучших работ театра, — недаром он открывал ее программу своих гастролов. В «Габели эскарды» (режиссер В. Неали) есть частные удали. Отлично играет старый боцман Бухту В. Халатов; интересен образ адмирала Гранатова в исполнении Ю. Лаврова, построенный на резком противоречии внешней респектабельности, холодного достоинства и панического страха, бессильной, слепой ярости в душе; есть неплохой, особенно в первой половине спектакля, сюжет у А. Решетникова в роли Гайды. Но в целом спектакль не удался. Романтически приподнятая, позачас до патетической речи должна звучать со сцены как выражение огромного внутреннего накала событий и страстей, но ни в коем случае не становится декларацией. Как только со сцены начинает раздаваться театральная декларация, так из спектакля уходит жизнь и остается представление. Делегаты с миноисцев отвечают на вопросы, согласны ли они пойти эскарду. Здесь в каждой реплике — сложное сплетение чувств: горе, гнев, мужество, сознание долга, боль... А со сцены раздается переписка торжественно декламирующих голосов, и этот театральный пафос не только в интонациях; он во многом скрывается и на зрительном образе спектакля, который заканчивается прощанием, поставленным совершенно по-оперному. Спектакль в целом не имеет мужественной простоты, а мешает ему улические внешние приемы игры и режиссуры. Характерна сцена матросской пляски, поставленная как бойкий дивертисмент, никак не связанный с основной линией действия.

Комедия Г. Зальповской сыграна театром со злой беспощадностью, проанализованное понимание того, какой цепкой, живучей силой обладает меншицество даже тогда, когда оно выступает под псевдонимом «спешитов».

...О действительных и мнимых недостатках пьесы Юрия Яновского «Дочь прокурора» сказано много. Следует по достоинству оценить упорство театра, который решил доказать право пьесы на существование не премиями, а постановкой. Это неплохой способ проверки! И если, несмотря на все действительные недостатки пьесы, спектакль, поставленный М. Романовым, привлекает внимание зрителей, то тут, думаем, дело в том, что пьеса хоть и неглубоко, но говорит, к чему может привести неплохого человека примирение с мещанством в собственном доме.

Театр поставил «Дочь на длинных ногах» Эдуардо де Филиппо. Это отличная пьеса, с острым сюжетом, полным неожиданными резкими поворотами при внешней обыденности событий. Лучшая актерская работа спектакля, на мой взгляд, — Г. Долгов в роли Роберто Перретти. Он превращает образ самовлюбленного эгоиста, вздорного болтуна и маньякального скряги в страшный символ той жизни, где все человеческие чувства должны пасть перед его величием — чистоганом.

Центральная роль пьесы — Либери Инкоронато — бедная-неудачник, немного философ, отчасти Дон Кихот и наконец, в финале, бунтарь, бросающий в лицо буржуазному обществу свое исповедание веры. М. Розину удалось не все красиво, не все грани этого сложного образа. Быть может, особенно поначалу его Либери не хватало пронырливости-мудрого отношения к окружающим, недостаёт обаяния.

Молодой режиссер И. Молодова, поставившая этот трудный спектакль, решила прочитать его в стилистической манере итальянских неореалистических фильмов. Стремление понятное. Однако неадекватно, в русле которого и создана «Дочь на длинных ногах», знает не только предельную правдивость и точность в изображении быта, но только внимание к бытовым деталям, но владеет и всеми приемами режиссуры, применяет яркие гротескные краски, любит стремительные ритмы. Эта черта выявлена в спектакле слабее. Наконец, кое в чем изучение итальянских фильмов сказалось на спектакле в форме ученически-подрожательной. Так, например, авторские ремарки превращены постановщиком в дикторский текст, читаемый по радио подчёркнуто пронырливым голосом. Сразу вспоминаются выступления, которые часто открывают итальянские фильмы. Но в пьесе де Филиппо ремарки — не более чем указание режиссеру и исполнителю. Особенно ясна неуместность их чтения вслух, когда оно врывается в действие. Мы видим на сцене задумавшегося Либери, а дикторский голос говорит и о выражении его лица и о его душевном состоянии. Если актер не в состоянии сыграть этого, тогда контраст между поине-

Продит два месяца, и В. С. Новоселова узнает, что «Учительская газета» познаномила редакцию журнала с ее письмом. Наконец вопрос разрешен! Редактор «Литературной в школе» Н. И. Кудряшев принорит учительские свои извинения. Нет, нет, не на страницах журнала, а в письме, отправленном по почте.

Сейчас это письмо перед нами. Кроме извинений редактора, мы находим в нем и весьма любопытные признания, проливающие свет на то, как обходится в журнале с рукописями вообще. Оказывается, «которому было поручено редактирование статьи», просто «не был предупрежден о предварительном условии печатать статью «так, как она написана». Больше ничего! Поэтому то он «допустил излишества» и «сделал произвольную вставку».

Вот, собственно говоря, и все. Что касается заголовка нашего фельетона, то он представляет собой не что иное, как трансформацию второй строки из знаменитого четверостишия Д. Минаева, начинающегося словами:

Здесь над статьями совершают Владельцы убойственный обряд... Мы поставили «тройное» — потому что в редакции, которой посвятил свою эпиграму Д. Минаев статью, где не работает уже 14 лет! Учительница пробует газету деавуировать перед общественностью статью, ошибочно подписанную ее именем...

Вот, собственно говоря, и все. Что касается заголовка нашего фельетона, то он представляет собой не что иное, как трансформацию второй строки из знаменитого четверостишия Д. Минаева, начинающегося словами:

Здесь над статьями совершают Владельцы убойственный обряд... Мы поставили «тройное» — потому что в редакции, которой посвятил свою эпиграму Д. Минаев статью, где не работает уже 14 лет! Учительница пробует газету деавуировать перед общественностью статью, ошибочно подписанную ее именем...

Искусство проводится временем. Но и искусство в свою очередь, проверив время. Оно делает преходящее время пространственным, поднимает на поверхность то, что забыто, восстанавливает с чувственной достоверностью картину мигнувшего. Читая неоконченный роман Бруно Ясенского «Заговор равнодушных», особенно чувствуешь победу искусства над временем.

ПОБЕЖДЕННОЕ ВРЕМЯ

Вл. ЛИДИН

«Не знаю, что это, — случай, привычка или закон тяготения, но почти каждый день, выходя в любом направлении, я неизменно попадаю на ул. Горького в заваленную книгами комнатушку на втором этаже дома № 26.

Мопассан с теплой иронией воспевал когда-то одержимых рыболовов, в разгар военных действий пробравшихся с уткой в рыбные места. Зайдите в дни самых лирических литературных боев в нашу Книжную Лавку и вы увидите там представителей всех враждующих сторон, мирно санаяты выжиданием желанных книг.

Сколько томов я перетаскал отсюда к себе на дом и расселил в многоэтажных шкафах! Визу, — как шейкеру в поезде, — выстроились в ряд грозные полутьмы от литературы: педантичный Диттер, бойливый Ларус... Этажом выше расселились познанные почтенные классики, страдающие отышкой. Самые просторные квартиры, как в каждом честном советском жилище, предоставлены многосемейным. Плодовитый старик Вольтер со своим 97-томным потомством один занял почти весь этаж. Старые Гого с его 57 томами уютно сидят на трех этажах. Мрачный безбожник Сап мирно уживается в одном шкафу с чопорным святойшей Шабобраном и двухэтажным Балзаком безропотно терпит обновившегося в мезонине его шкафа Сент-Бева...

Беседа с ними по вечерам, мы всегда тепло вспоминаем комнатушку на втором этаже в Книжной Лавке писателей, откуда, может быть, автра переулк к нам дождавшиеся друзья: бесшабашный забулдыга Вийон или ретивый Ретиф с 42-томным хороводом своих «Современниц».

Книжные пристрастия Ясенского, столь отлично описанные в этой короткой заметке, определяют и его высокую культуру.

Под романом Ясенского в 7-й книге «Нового мира» напечатано: «На этом обрывается рукопись романа Бруно Ясенского «Заговор равнодушных». Да, роман остался незавершенным. Его первая часть является, в сущности, только экспозицией той большой темы, которая волновала Ясенского и которая, несомненно, развернулась бы в целую эпопею тех трагических лет, когда Гитлер поднимал над Западной Европой знамя со свастикой. Роман Ясенского — это призыв к тому, чтобы в дни, когда враги человечества пытаются остановить ход истории, никто не оставался бы нейтральным, равнодушным наблюдателем. Придет время — и его схватят за нейтральное горло, и это будет для него еще горше потому, что он не принимал участия в борьбе, не знал боевой радости шеденка, а у себя, в своем обязательском жилье, понавал худшее, о чем боялся даже думать. История показывает, что так оно и получилось со многими из тех равнодушных людей, которые предпочитали выжидать события за закрытыми ставнями своего дома.

В напечатанной первой части романа Ясенского фигуры только намечены. Только намечены образы предателя — директора завода Реллиха, немецкого коммуниста Эрста Гейля, редактора заводской газеты Юрия Гаранина, образы комсомольцев — рабочих завода, образ немецкого ученого Роберта Зберкарда, сделавшего жертвой провокации гестапо; образ немецких подполковников, — в пору, когда грозили из гестаповского ведомства наводило страшный кровавый «порядок» в Германии, намереваясь навести такой же порядок и во всей Западной Европе.

Книга эта написана около двадцати лет назад. Но почему читаешь ее с таким волнением, почему все это не кажется оторванным историей, пережитым страницами литературы тридцатых годов? Я думаю, именно потому, что время побеждено здесь искусством писателя, приближено им, сделанном страдания и надежды людей тридцатых годов понятными и близкими современному читателю.

Для тех, кто знает Германию и Францию 1935—1937 годов, — мне привелось именно в эти годы быть в обеих странах, — точность передает Ясенским того, что происходило в них перед началом второй мировой войны, представляет поразительной. Он ничего не упустил своим взглядом художника, он сумел передать обстановку в Германии перед саарским плебисцитом, и, конечно, в последующих частях романа, которые остались незавершенными, мы увидели бы, как флаги со свастикой сменяли в Германии желто-черные имперские флаги и как Гитлер, стоя в автомобиле с вытянутой вперед рукой, следовал к Бранденбургским воротам между толп вопящих нацистов и безмолвствующих «равнодушных», что привлекло мое внимание в Берлине. Конечно, в последующих частях романа Ясенский изображал бы и тех, кто предал впоследствии Францию, и кто, осуществив мохнатый договор, отдал на растерзание Гитлеру всю среднюю Европу вкупе с Балканами.

Этого нет в романе Ясенского, но мы ощущаем это в его экспозиции, построенной почти по законам контрапункта, когда согласованное движение отдельных голосов образует одно гармоническое целое. Мы слышим это и в лирических отступлениях автора: «В эпоху, когда на пяти шестых земного шара была человеческая жизнь протекала в узких стойлах неупругих государственных и сословных границ, нестерпимого брака, непротерываемых канцелярий, железнодорожный билет был лотерейным билетом, предоставлявшим покупателю право принять участие в лотерее счастливых встреч, был паспорт в страну непредвиденных приключений», или: «Поэзия двадцатого столетия бежала по трупам лесов, варварски поваленных древним топором дровосека...»; и даже в написанных прозаическими строками стихах: «Поэзия идет на север седых слюга лесов. Поэзия идет на запад. Поэзия идет на юг. Поэзия вращает землю, точно бежа колесо. Танец начал. Сосны скачут. Люди плачут и поют».

Эти лирические отступления дают тонкость роману, они не служат переключными мостками от одного действия к другому. Это — состояние души самого автора, который видел, к чему ведет равнодушие, и ненавидел равнодушных, который, глубоко познав социальную историю Западной Европы, всеми силами сигнализировал о грядущей опасности. В романе прямо говорится о войне, которая уже готовится, уже не за горами, хотя первая часть романа написана за несколько лет до второй мировой войны.

Я не хочу пересказывать содержание богатого образными, словесными находками, отличной изобразительностью незавершенного романа Ясенского. При всей его незавершенности, при том, что некоторые образы только намечены, некоторые слишком прямолинейны, как, например, образ Реллиха, некоторые слишком детективны, — незавершенная книга Ясенского останется памятником лет, столь быстро забываемых. Наши советские писатели мало пишут о Европе прежде всего потому, что они ее плохо знают, и потому еще, что писать о Европе, не изучив ее социального развития в первую половину XX века, — это значит писать о ней непонятно и неосознанно. Ясенский знал историю, он знал и законы исторического дви-

Гравюры на дереве художника В. Ростова к роману С. Крушинского «Горный поток». Книга выпущена издательством «Советский писатель».

жения, и ему было дано написать не только эпопею «Заговор равнодушных», но и ряд других книг, в которых замечательный писатель запечатлел бы с большой изобразительной силой исторические годы.

Нелазека та велика была, когда наша страна отметила 40 лет своего беспримерного и прогрессного существования. Все в мире за 40 лет, под прямым воздействием нашей страны, стало иным. Мы видим, как ширится океан социалистических государств, как некогда всемогущий капитализм завершает свой бесслышный век, как все меньше и меньше становится в мире равнодушных, как великая битва за мир равнодушных со странной историей и на смену ему идет сознательный, осознанный великую правду социального развития, гражданина.

Мечту об этом мы чувствуем в книге Ясенского, написанной почти двадцать лет назад, и нас не может не волновать, что голос писателя не ослабел и не поблек во времени. Наш долг — рассказать новым читателям о талантливом, много знавшем, много умевшем писателе Бруно Ясенском, который еще в тридцатых годах нашего трудного века умел предвидеть события и предупреждать современников, что нет ничего опаснее, чем равнодушие; что человек рожден для действия; что прекрасна борьба за лучшее будущее и что тот, кто борется за лучшее будущее, никогда не будет забыт.

Ясенский в меру своих сил выполнил писательский долг. Время, которое он посвятил в своих книгах, определило его место в нашей литературе, и мы радуемся, что он идет в строю советских писателей — и тех, с кем он вместе работал в литературе, и тех, кто за последние десятилетия вошел в ее ряды.

ПО СТРАНИЦАМ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС ВО ВСЕМ ЕГО МНОГООБРАЗИИ

В белорусской газете «Литература і мастацтва» (№ 31 от 28 июля) «в порядке постоянного вопроса» опубликована статья Ю. Шширко «Глубже изучать историю литературы». Вопрос, поднятый Ю. Шширковым, очень важен для белорусского и всего советского литературоведения.

Автор в начале статьи отмечает, что в Белоруссии «выросли кадры исследователей художественной литературы, которым по плечу решение важных и сложных задач». Вместе с тем работы литературоведов и критиков, пишет Ю. Шширков, «выявили наши недостатки и поставили на первый план ряд теоретических проблем, которые необходимо решить в самое ближайшее время общими усилиями. По некоторым вопросам хочется выступить в дискуссионном порядке. В дискуссионном порядке, что за долгое время мы привыкли говорить безапелляционно, оценивать важные и сложные явления по заранее надуманной схеме, решительно осуждая то, что не заслуживает осуждения, и бесосновательно хвалить то, что совсем не стоящее похвалы. Дальнейшее развитие литературоведения предполагает широкое участие и активное сотрудничество в оценке важнейших общественных и литературных явлений, недостаточное внимание к специфике искусства».

Критик не ограничился, как часто бывает, этими общими упреками, а перешел к конкретному разговору о некоторых серьезных проблемах — проблемах процесса развития белорусской советской литературы довоенного периода. В свое время все литературные явления были оценены, все было вынесено определенным приговором, не подлежащим в белорусском литературоведении оспариванию. «А разве вправду критика двадцатых и тридцатых годов была непогрешимой в оценках? Разве должны мы все брать на веру и отказываться от своих оценок? Разумеется, мы не можем не учитывать всего того, что было сказано предшествующей критикой. Но наша обязанность — разобраться во всем внимательно, оценить все с высоты современного развития литературоведения, с высоты тех новых исторических требований, которые поставлены Коммунистической партией перед советским обществом».

Одним из главных недостатков в изучении истории литературы Ю. Шширков считает «обеднение литературного процесса». «Мы часто и с большой охотой повторяем глубоко верную мысль, что Октябрьская революция расковала энергию миллионы и дала небывалый толчок развитию литературы и искусства, а иллюстрируем эту мысль совсем незначительным количеством имен, не подкрепляем своих слов фактами, как будто и вправду их нет». В статье говорится, что «теперь в связи с реалистической несправедливо осужденных писателей необходимо определить их место и роль в общем литературном процессе Нелзя и дальше обходить вниманием Т. Гартного, А. Александровича, Н. Федоровича, С. Барановых, А. Звоника, В. Хольку и других».

Но дело не только в этих нескольких фамилиях. Двадцатые годы были характерны массовым приоткрытием в литературу. В то время выходило, как сообщается в статье, 20 белорусских журналов и альманахов. Это явление также выпало из поля зрения исследователей.

Есть и просто забытые, хотя и очень интересные литературные имена. «Теперь почти не вспоминаются имя В. Горбачева, хотя его песни в двадцатые годы были очень популярными. Драма «Красные цветы Белоруссии» обшла подмостки всех профессиональных и самодеятельных театров».

ПИСАТЕЛИ НА ЦЕЛИНЕ

Большая группа писателей Алма-Аты выехала на время уборки урожая в колхозы и совхозы. В Кокчетавской области находится писатель Н. Анов, в Восточно-Казахстанской области — С. Мартыноч и т. д. Вторая группа литераторов проводит дни

республики и ставилась в Москве. Замечать такие факты недопустимо».

По мнению Ю. Шширко, такие же недостатки «наблюдаются и в оценке последнего состояния нашей литературы. Характеризуя современный этап ее развития, исследователи останавливаются на творчестве небольшой группы старейших писателей и только бегло вспоминают фамилии писателей младшего поколения. А «литературная молодежь» уже давно поселилась, многие ее представители пользуются у читателей заслуженным авторитетом, являются зрелыми мастерами своего дела. Попробуйте представить теперешнюю белорусскую поэзию без П. Панченко, К. Киреевко, А. Белевича, А. Велюгина, В. Корбана, А. Зарничко, А. Астрейко, И. Аврамчика, А. Вачило, А. Русака, прозу — без Я. Брыля, И. Шамякина, Ф. Пестрака, И. Мележа, А. Кулаковского, А. Чернышевича, А. Яковича, М. Поселовича, Е. Василевича, Б. Кравченко, драматургию — без А. Макашова и К. Губаревича — и получится неполная картина. Привычные еще в тридцатые годы к небольшой группе писателей, мы часто не замечаем тех больших святых и изменений, которые произошли за последние десятилетия».

Пути развития социалистической культуры, говорится далее в статье, были определены «только в самых общих чертах в трудах основоположников марксизма-ленинизма, а практика вносила много разнообразия и своеобразия, которые возникали в конкретных условиях исторического развития каждого народа в особенности. Игнорировать это — значит ничего не понимать в литературном процессе... Писателям, которые пришли в литературу накануне революции и в первые годы после Октября, выпало на долю стать пионерами нового дела, колумбами неизвестных дорог. В своих взглядах, в практике они иной раз глубоко ошибались, но в этих ошибках нельзя видеть только злое и враждебное, как это делали вульгаризаторы... Необходимо внимательно во всем разбираться, чтобы не зачислять в лагерь врагов людей, которые ошиблись. Ошибки их нужно сурово осудить, а все полезное заслуженно оценить».

«Характеризовать литературный процесс двадцатых годов невозможно без всесторонней оценки литературных объединений, которые существовали в то время. Прежние оценки «Маладикана», «Поляны» и «Узвышья», данные вульгарно-социологической критикой, — заявляет Ю. Шширков, — надо откинуть как грубо ошибочные. Мы, говорит далее, «при каждом удобном случае считаем большим грехом писателей вхождение их в «Узвышья». До каких пор мы будем проклять этих К. Чорного, К. Крапиво, Эм. Бяляку, П. Глебуку и других?»

В статье Ю. Шширко есть спорные, необоснованные и непродуманные утверждения. Удивительно, что Ю. Шширков не счит необходимым хотя бы упомянуть о своих собственных заблуждениях в трактовке истории белорусской литературы двадцатых годов. А ведь именно он — автор соответствующей главы в «Очерке истории белорусской советской литературы», вышедшем в конце 1954 года. Но его статья поднимает очень важный, давно назревший вопрос и, несомненно, привлечет внимание белорусских литературоведов, критиков, писателей, которые в творческой дискуссии найдут, конечно, правильные оценки всех явлений в истории белорусской советской литературы. Это, видимо, и является главной целью полезного выступления газеты «Литература і мастацтва».

Жизнь в совхозах Алма-Атинской, Талды-Курганской и Джамбулской областей. На приглашение приехать на уборку урожая отозвалось и около двадцати членов Союза писателей, проживающих вне Алма-Аты. Они окажут помощь литературным объединениям и редакциям местных газет.

Эстетика должна быть эстетикой

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

Некоторые серьезные недостатки в нашем искусстве, особенно первых послевоенных лет, — такие, как пресловутая иллюстративность, художественная серость, схематизм, бесконтактность, лакировка действительности, ложный монументализм, помпезность и т. п., — во многом обусловлены состоянием эстетики и критики.

Наша эстетика в целом стоит на правильных марксистско-ленинских позициях. Она исходит из понимания искусства как особой формы общественного сознания, отражающей действительность и оказывающей на нее обратное преобразующее воздействие. Решительное отвержение теории так называемого «искусства для искусства», марксистско-ленинская эстетика исходит из того, что искусство должно быть включено в общественное дело борьбы за социалистическое и коммунистическое преобразование общества. Отсюда вытекает требование партийности советского искусства, поскольку оно сознательно и активно противопоставляет себя реакционной империалистической идеологии, борется за идеалы коммунизма, носительницей которых является Коммунистическая партия.

Эти совершенно правильные исходные положения составляют основу нашего понимания сущности искусства и его задач. Однако хорошо известно, что можно вульгаризировать самые верные общеполитические, если подходить к ним слишком прямолинейно, грубо и упрощенно, без учета специфической сущности рассматриваемого явления. Как известно, примеры грубейшей вульгаризации этих правильных в своей основе положений имели у нас место в прошлом (например, рапповское толкование принципа партийности, а также художественного метода). Но не следует думать, что мы уже покинули с вульгаризацией в эстетике. Далеко нет. Рецидивы вульгарного социологизма и всякого иного грубого упрощения сохранялись до сих пор времени в отношении всех основных проблем эстетики: проблемы сущности искусства, сущности эстетического (в первую очередь — прекрасного), типического, художественного метода, содержания и формы в искусстве и, наконец, проблемы функции искусства.

Возьмем для примера первую проблему и посмотрим, как обстоит дело с определением

сущности искусства. Почти общим местом стало в нашей эстетике положение, что искусство есть отражение действительности в образной форме, в отличие от науки и идеологии, которые тоже суть отражения действительности, но в другой, логической форме. С точки зрения философской, гносеологической, это определение правильное: искусство в самом деле отражает объективную действительность, познает ее и выражает в образной форме. Но поскольку здесь не раскрыта вполне эстетическая специфика искусства (философское определение этой задачи не ставит), это еще не эстетическое определение.

Если остановиться на этом определении, то из него следует, что различие между искусством и другими формами сознания — только в форме выражения, но отнюдь не в содержании. Содержание здесь и там одно и то же. Получается, будто искусство не имеет особого эстетического содержания, все эстетическое в нем — от формы. Таким образом, содержание исключается из эстетического ряда, собственно эстетическим началом оказывается форма.

Вполне понятно, что в этом случае нельзя говорить об эстетической сущности искусства (какая может быть сущность без содержания?). Так возникло и существует традиционное мнение, что искусство нельзя сводить к эстетическому, так как оно, «кроме того», должно быть познанием действительности, включать в себя борьбу за общественные идеалы (иметь цель) и носить социально заинтересованный характер. Авторам этой аргументации неведомо, что они исходят при этом из кантовского толкования эстетического. Кант считал, что эстетическое переживание есть безотчетное созерцание, «чистое суждение вкуса», которое лишено понятия (не имеет познавательного характера), заинтересованности и цели. При этом Кант утверждал, что эстетическое значение в предмете имеет только форма, а содержание не влияет на эстетическое впечатление, ибо оно не имеет никакого эстетического значения и в эстетическом восприятии во влия-

ние не принимается. Эстетическое определяется им как чисто формальная категория. Исходя из этого, Кант вообще отрицал содержание в искусстве и тем самым обосновывал формализм. Но, например, Ф. Шиллер или В. Вундт не отрицали содержания, допускали его в искусстве и при всем том, по существу, оставались на кантовских позициях, потому что они отказывали содержанию в эстетическом значении и собственно искусство понимали как прекрасную форму, которая в то же время может быть использована для выражения какого-либо внэстетического содержания. Значит, с кантовских позиций можно и допустить содержание, важно не включать его в эстетический ряд, оторвать форму от содержания и все эстетическое значение приписать ей.

На практике от кантианства два пути: либо к чистому формотворчеству, либо к вульгарному отождествлению содержания искусства с содержанием других форм общественного сознания. При этом начисто разрушается обусловленность специфичности форм специфическим содержанием. Они разбиваются и в лучшем случае рассматриваются, как два ряда, имеющих внешнею, а не органическую связь.

На наш взгляд, рассмотренная выше точка зрения на искусство в нашей эстетике идет от кантианского понимания эстетического. Именно такое толкование эстетического значения искусства проявляется в тех критических статьях и учебных анализах художественных произведений, в которых вначале дается чисто социологический (исторический, экономический, политический) анализ содержания и только потом так называемый «эстетический анализ», как анализ формы (язык, колорит, режиссерские приемы и т. п.). Не следует думать, что здесь проявляется только критическая беспомощность, — это метод, и в основе этого метода лежит кантовское представление об эстетическом, представление обычно бессознательное, традиционное, но тем более упорное.

Задача состоит в том, чтобы дать, наконец, настоящий теоретический бой кантианству в эстетике. Надо доказать, что эстетическое содержит в себе и понятие, и заинтересованность, и цель, что эстетическое суждение есть действительное суждение (хотя и очень своеобразное), что оно касается не только формы предмета, но и его сущности, что есть эстетическая сущность, эстетическое содержание, что эстетическое имеет свою специфическую функ-

цию и играет в жизни общества важную активно-преобразующую роль. При таком понимании эстетического ничуть не страшно будет признать эстетическую сущность искусства, потому что познание, общественная заинтересованность и цель будут вытекать в этом случае из самой специфической, эстетической природы, а не добавляться к ней извне, как нечто постороннее.

Напротив, при кантианском понимании эстетического оно, естественно, рассматривается как одна сторона искусства, причем не главная, а второстепенная, формальная. Содержание, познание, цель, эстетическое от них не отказывается, оказываются внэстетическими, берутся прапорат извне, что ведет к грубой вульгаризации искусства, к растворению его в истории, философии, естествознании, технике и т. д. Так получается странная гибрид: помесь кантианства с вульгарным социологизмом, биологизмом, техницизмом и т. д., которые отлично уживаются.

Когда писатель превращает свой «производственный роман» в подобие справочника по техникуму, увлекаясь самоочным описанием технологии производства в ущерб задаче воспроизведения типических характеров, многосложных человеческих отношений и переживаний, он игнорирует как раз специфику художественного содержания и, в конце концов, выходит за пределы искусства. Когда критик подменяет сложное лирическое содержание живописного полотна философской категорией «борьбы нового со старым» (как это происходит, например, в книге Ф. Колосина «Содержание и форма в произведении искусства»), то он, как это уже отмечалось в печати, допускает грубую вульгаризацию искусства именно в отношении его содержания. Эта вульгаризация не всегда бывает столь явной, но не секрет, что она достаточно распространена и наносит нашему искусству серьезный ущерб.

Следует со всей остротой поставить вопрос о специфике художественного содержания, потому что, как нам кажется, именно здесь (а не в форме) — основной критерий художественности, отсутствие которой в искусстве нельзя оправдать никакими соображениями. Ликвидация специфического содержания ведет к ликвидации относительной самостоятельности искусства как формы общественного сознания. Но констатация и даже определение специфического содержания искусства — это еще далеко не все. Задача состоит в том, чтобы, во-первых, вскрыть объективную обусловленность этого содержания, во-вторых, — и это самое главное, — раскрыть и обосновать его эстетическую природу. Совершенно очевидно, что исключитель-

ное значение приобретает в связи с этим проблема сущности эстетического, высшие природы эстетического идеала и его объективного содержания и т. д., ибо без этого анализировать искусство, по-видимому, больше невозможно.

Если проблема сущности эстетического не решена, то на шаг вперед, ни о какой подлинной эстетике не может быть речи. Эстетическое сознание общества гораздо шире искусства. Оно проявляется в искусстве или иной мере во всякой деятельности человека, поскольку человек творит не только по законам материальной необходимости, но также и по законам красоты. Все, что окружает человека, — предметы общественного и личного обихода, его одежда, причека и т. п., — должно удовлетворять какому-то минимуму эстетической потребности. Содержание этого общественного эстетического и искусства в основе своей однородно.

Но искусство есть высшее и наиболее концентрированное выражение эстетического сознания, в силу чего мы и сосредоточиваемся в эстетике на анализе искусства. И это понятно: ту или иную закономерность лучше всего можно познать в ее высшем, классическом проявлении. Поэтому эстетике следовало бы определить как науку о сущности, природе и функции эстетического сознания вообще и искусства как высшего его проявления в особенности, о наиболее общих законах, управляющих развитием искусства и художественным творчеством.

Определяя так эстетику, мы устраняем разрыв между всеобщей теорией искусства и «проблемой прекрасного», которые до сих пор рассматриваются рядом и выглядят как два самостоятельных предмета в одной науке.

Эстетическая наука — это прежде всего методология, в силу чего она всегда будет гораздо ближе к философским наукам, чем к каким-либо другим. Но следует иметь в виду, что это именно эстетическая методология, а не общепсихологическая. И поэтому она не может оперировать только общепсихологическими методологическими положениями и понятиями в отношении своего предмета. Она обращается к выявлению его внутренних, специфических закономерностей, то есть вырабатывает собственную методологию и терминологию. Это не значит, однако, что философские предпосылки следует игнорировать. Они определяют материалистический (или идеалистический) подход исследователя к своему предмету, что, конечно, имеет решающее значение, ибо от этого полностью зависит направление исследования и его результаты. Сое-

довательно, они совершенно необходимы. Но ограничиться ими — значит остаться в философском предвзвешении эстетической науки, а это бывает, к сожалению, довольно часто и тоже грозит перерасти в метод. Сколько можно, например, в теории типического повторять и констатировать общие законы о диалектической связи общего и отдельного, не пора ли поставить вопрос о специфике этого общего и отдельного в искусстве?!

Давно уже никого не удовлетворяет определение типического как выражение «сущности данного явления» через конкретное и единичное. В общепсихологическом смысле это определение опять-таки верно, а в эстетическом абсолютно ничего не дает. О какой «сущности» идет речь? Известно, что любая форма сознания стремится к раскрытию «сущности данного явления». Но сущности бывают разные. Действительная сущность гроты в том, что это — явление атмосферного эстетизма. Можно ли сказать, что поэт, воспроизводя гроту, ставит перед собой задачу раскрытия этой физической сущности? Конечно, нет: сущность, раскрытая при изображении гроты в поэзии, — нечто другое. Напомним: «Люблю гроту в начале мая...». Здесь физическая сущность гроты не только не выясняется, но с точки зрения строго научной даже как будто «затемняется», если, конечно, извращается. И тем не менее здесь раскрывается именно та сущность, которая и нужна в искусстве: здесь обнаруживается мощное, богатое и полнокровное типическое переживание человека в данных типических обстоятельствах.

Определение типического как «сущности данного явления» базируется все на том же отрицании специфики художественного содержания: любая сущность гонится для искусства, лишь бы она была выражена в конкретном и единичном (ну, например, научная кинематографическая демонстрация процесса сжигания газа!). Распространяющая в свое время формула типического как проявления сущности данной социальной силы (статья, более конкретная, чем просто «сущность данного явления») несправедлива именно потому, что не раскрывает до конца специфики художественной сущности и, значит, допускает возможность вульгаризации ее, отождествления содержания искусства с содержанием общественных наук (политологии, философии и др.), которые тоже выявляют сущности социальных сил общества. Ясно, что если

(Окончание на 4-й стр.)

ТРАГЕДИЯ ХИРОСИМЫ НЕ ДОЛЖНА ПОВТОРИТЬСЯ!

Шестого августа исполняется 11 лет с того дня, когда на японский город Хиросиму была сброшена атомная бомба. Вторая американская атомная бомба разрушила город Нагасаки. Погибли десятки тысяч мужчин, женщин, стариков, детей. Но и позже, на протяжении последних лет, многие жители Японии испытали на себе губительное действие этого оружия — они пострадали от атомной радиации в результате испытаний американцами водородной бомбы в районе Тихого океана. Вот почему 6 августа отмечается в Японии, как день памяти жертв атомного и водородного оружия, как день борьбы за запрещение оружия массового уничтожения.

ЯПОНСКИЙ НАРОД БОРЕТСЯ ЗА ЗАПРЕЩЕНИЕ АТОМНОГО И ВОДОРОДНОГО ОРУЖИЯ. На снимках: слева — агитавтомобиль японских сторонников мира, на его борту — надписи: «Долой подготовку к атомной войне»; справа — демонстрация сторонников мира; на зонтине, который несет женщина в центре, написано: «Против радиоактивного дождя!».

ко полное запрещение атомного и водородного оружия, то есть прекращение его производства, запрещение его применения, уничтожение запасов и изъятие его из вооруженных государств избавит народы мира от угрозы истребительной атомной войны и

тяжелых последствий для человечества, связанных с использованием этого оружия. Благородным стремлением охранить жизнь и здоровье народов принятую предложение Советского правительства о безоговорочном заключении между тремя державами —

США, Англией и СССР — соглашения о немедленном прекращении всяких испытаний и экспериментальных взрывов атомного и термоядерного оружия. Воля народов — священна. Народы мира не допустят повторения трагедии Хиросимы!

Палата представителей и Палата советников японского парламента приняли резолюцию, требующую запрещения ядерного оружия и прекращения его испытаний путем заключения международного соглашения. Эти резолюции японский парламент через свое правительство передал правительству Советского Союза. Обращение японского парламента обсуждалось на недавней сессии Верховного Совета СССР.

Советский народ с сочувствием относится к борьбе японского народа за запрещение атомного оружия, и Верховный Совет СССР в своем Заявлении с удовлетворением отметил единство взглядов народов Советского Союза и народа Японии по этому вопросу.

«Советский Союз, — говорится в Заявлении, — считает, что только

Памятник жертвам атомной бомбардировки в городе Хиросиме.

Сёсюк СИМА

Плывущий букет

(Написано на берегу реки Хиросимы)

Бегут, спокойны в утреннем темноте, Невные волны, словно дым руин. Кто бросил им, как жертвоприношение, Букет багрово-красных георгинов? Лишь август подойдет, слышны рыдания, Болезненно сжимаются сердца. О прошлом горестны воспоминания, И нет у них ни края, ни конца. В реке купались, маленькие дети Со дня порою кости достали. Как черным саванном, останки эти Хотел укрыть зловещий парашют. Колокола звонят и звоном слышат Могучей жизни трепетный рассвет. Течет река... Кому она доставит Плывущий по волнам ее букет? Перевел А. МАМОНОВ

Атомная бомба была сброшена на парашюте.

ИТО КЭСАИТИ—ЗА ТОРГОВЛЮ

ИНТЕРВЬЮ С ЯПОНСКИМ КОММЕРСАНТОМ

В Китае сейчас пора муссонов. Ветры с океана несут на города и селения обильную влагу. Почти не проходит дня, чтобы в Пекине, обычно к вечеру, небо не заваливалось черными тучами. И тогда на столы обрушивается ливень. Потоки воды полнят улицы, перехлестывают тротуары. В подвездах магазинов, под низкими каменными воротами хуанов — переулочки прячутся люди. Потом тучи уходят на северо-запад, спадает изуряющий зной, дышать становится легче.

Пронесся очередной такой ливень, и мы смогли, наконец, поехать в гостиницу «Мир» на встречу с г-ном Ито Кэсаити. Он недавно прибыл в Китайскую Народную Республику во главе большой группы японских промышленников и торговцев.

— Должен вас предупредить, что в литературных делах я человек совсем несведущий, — встретил нас г-н Ито. Обменявшись рукопожатием, он лукаво улыбается.

Мы усаживаемся за низенький круглый столик, на нем ваза с фруктами, бутылки лимонада. Японский коммерсант в легкой бежевой сорочке и таких же брюках. За стеклами больших роговых очков — внимательные, изучающие глаза. В беседе участвуют и два компаньона г-на Ито. Все усиленно «работают» веерами.

Промышленники, представленные в этой делегации, отражают интересы японского текстильного машиностроения и стекольной промышленности. Они хотят изучить, какие возможности открывает для них гигантская стройка на китайской земле. Владелец торговых компаний ведет переговоры о взаимном обмене товарами. Делегация должна также подготовить все необходимое для открытия в Пекине вышешней осенью японской торгово-промышленной выставки.

— Мы предполагаем, — говорит г-н Ито Кэсаити, — пробыть в Пекине до начала августа, затем направимся в Шанхай и Кантон. Из Японии уже выезжают люди, которые займутся оборудованием выставки. Экспонаты начнут поступать со следующего месяца. Выставка откроется 2 октября в Пекине, затем переедет в Шанхай.

— В каких товарах Китай заинтересованы японские торговые круги?

— О, японские деловые круги нуждаются во многих товарах. Мы рассчитываем покупать уголь, сталь, железную руду, шерсть, бобы и другие сельскохозяйственные товары. Сами же готовы продавать Китаю искусственный шелк, велосипеды, различные машины и оборудование...

То, что г-н Ито рассказал об экономических связях между Китаем и Японией, лишний раз свидетельствует о полной возможности убрать преграды на пути к взаимопониманию и дружбе между обоими народами. Только по 3-му Японо-Китайскому соглашению, подписанному 4 мая 1955 года, Япония с мая 1955 года до февраля 1956 года экспортировала товаров на 9 миллионов английских фунтов стерлингов, а завезла их на 23 400 тысяч фунтов стерлингов.

Недавно в газете «Ниппон кэйзай симбун» японский министр внешней торговли и промышленности Тадаюки Исибаси, призывая к расширению китайско-японской торговли, писал, что, по мнению большинства промышленников и торговцев, сохранение традиционных связей с континентальным Китаем является для Японии вопросом жизни и смерти.

Однако известно и другое. Правительство КНР неоднократно предлагало правительству Японии обсудить вопрос о нормализации китайско-японских отношений. И хотя в последнее время японское правительство заняло более положительную позицию в отношении торговли между двумя странами, все же оно еще не ответило на инициативу...

— А вы знаете, — неожиданно обращается г-н Ито, — с Советским Союзом у меня давние дружеские отношения.

Еще лет пять назад, когда Япония для восстановления разрушенного войной хозяйства особенно остро нуждалась в лесу, г-н Ито начал выяснять возможности получения из Советского Союза строительных

материалов и угля. С группой деловых людей он образовал Общество по улучшению торговых отношений с СССР и установил контакт с представителями советского торгпредства. Ныне г-н Ито — один из руководителей Японской ассоциации содействия развитию международной торговли.

И вновь наша беседа приняла неожиданный поворот. Г-ну Ито принадлежит в Японии торговая компания «Фурутака». Ей единственной дано право импортировать из Советского Союза музыкальные пластинки.

— Какие же именно пластинки вы покупаете в СССР?

— Классическую музыку, оперы, как старые, так и новые. Когда в Японии приходит очередная партия пластинок, их для популяризации передают по радио. Как видите, мы немало делаем для лучшего взаимопонимания между нашими народами. Все мы хотим быстрее восстановления дипломатических отношений с Советским Союзом.

И, весело рассмеявшись, г-н Ито Кэсаити добавил:

— Хотя в Японии и есть люди, выступающие против восстановления дипломатических отношений с вашей страной, они совсем не прочь послушать русскую музыку. — Компаниями г-на Ито согласно кивают головами и дружно смеются. — Ну, а для музыки, как вы знаете, нет границ. В будущем году собираюсь в Москву. Хочу наладить обмен кинофильмами. Японский народ очень интересуется советским балетом... Вот так будем действовать вместе, чтобы между нами быстрее наладилась дружба...

Когда, распрощавшись, мы вышли на улицу, небо было совсем чистым. Из-за крыш выглядела полная луна. И подумалось: люди разных идеалов объединяются, чтобы народы могли торговать друг с другом, обмениваться всем многообразием и богатством духовных ценностей, чтобы небо повсюду над землей было вот таким же чистым и спокойным.

Н. БАБИН, специальный корреспондент «Литературной газеты»

ПЕКИН

Эстетика должна быть эстетикой

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

бы искусство не раскрывало специфических существей, не имело такого содержания, которое может раскрыть только оно, то искусство оказалось бы несуществующим именно как познание и, значит, не имело бы права на самостоятельное существование. По нашему мнению, целый ряд критериев художественности, которыми оперируют эстетика и критика, в действительности не являются таковыми именно в силу того, что игнорируют художественное содержание и носят формальный характер. Так, формальным является общезвестный критерий соответствия содержания и формы, ибо нет области, в которой этот критерий был бы неприменим.

Или возьмем критерий правдивости. Очень важный критерий, но почему это эстетический критерий? Наука ведь тоже стремится к правдивости (к истине), и она знает истину. Очевидно, существует какое-то различие между научной и художественной истиной, поэтому о художественной правде мало сказать, что она «истинна», она — особая истина, причем не столько в силу особой формы выражения, как часто думают, сколько в силу особенного качества тех закономерностей, которые она раскрывает. Следовательно, этот критерий может быть раскрыт как художественный только на базе определения специфического содержания.

По нашему мнению, содержание искусства и, значит, особенности художественной правды определяются тем, что настоящее искусство во всех случаях стремится к выражению правды характеров, человеческих отношений или переживаний. Искусство есть познание этих существей, и поэтому оно есть особое познание, требующее особого метода и особых средств выражения. К сожалению, мы не можем здесь подробно аргументировать это положение, которое кажется нам бесспорным.

Точно так же обстоит дело с критерием идейности. Вульгарное толкование идейности искусства мешает понять сущность так называемого «идеологического метода» в искусстве и правильно бороться с ним, ибо нельзя бороться с вульгаризацией, находясь на вульгаризаторских позициях.

Иногда считают, что иллюстративность в том, что вначале возникает идейный замысел, а потом он воплощается в художественном произведении. Между тем беда иллюстративности вовсе не в этом, а в фальсификации художественного содержания. Те, кто нападают на предварительный идейный замысел, не представляют себе другой идеи, кроме научной или публицистической логической конструкции. Такое понимание идейного содержания протестует из противоположения идейности и художественности (идея — это нечто художественное, а художественное — это форма, в которой она как бы «прятается»). Дело не в наличии предварительного идейного замысла, а в его качестве. Если замысел художественный, идея поэтическая, то не только нет ничего страшного в том, что вначале они оформляются в сознании, а потом воплощаются в произведении, но это так и должно быть. Общий и очень важный закон художественного творчества состоит в том, что замысел надо выносить, пережить, а потом воплотить. Иллюстративность всегда есть следствие грубого, вульгарного понимания идейности в искусстве, отрицание ее специфики. И поскольку теория сам стоит на этих позициях, то вместо борьбы с иллюстративностью она санкционирует пренебрежение к идейному замыслу, то есть фактически дезориентирует художников. Перед нашей наукой во весь рост встает задача эстетической конкретизации целого ряда привычных общих определений.

Очень часто в эстетике раздается клич: ближе к практике искусства! Этот клич превратился уже в привычную историческую фразу, но никто не объясняет: что же это значит для эстетики? — быть ближе к практике и влиять на нее? Часто этот лозунг понимается довольно просто: автор «эстетического» труда, сформулировав самые общие положения исторического материализма об искусстве, начинает затем громоздить друг на друга устрашающее количество «примеров», чтобы доказать, что искусство отражает действительность, что оно обобщает, познает и т. д. (смотри, например, книгу В. Раузинного «Проблема типического в эстетике», в которой около 100 примеров). Как правило, примеры эти чисто внешне связаны с общей «эстетической» преамбулой и

подчас призваны продемонстрировать эрудицию автора, а заодно и минимую «связь» его изысканий с практикой. Связь с искусством — не в количестве примеров, а во вдумчивом, серьезном исследовании фактов, исследования, которое обязательно доходит до эстетических обобщений. Что касается влияния эстетики на живую практику искусства, то оно одно из тех в дублировании художественной критики. Эстетика влияет на практику по-своему, выполняя свои, эстетические задачи, а делать это она может только тогда, когда является эстетикой в собственном смысле слова, а не подделкой под нее. Чтобы эффективно воздействовать на искусство, эстетика должна быть художественной (а не общеполитической) методологией, она должна сформулировать объективные критерии художественности и, значит, критерии анализа и оценки произведений искусства. Больше всего с нее спрашивают, по видимому, не следают и в критику ее превращать не надо. Из всего этого, конечно, нельзя делать вывод, что критика и эстетика несомненно. Можно зато эстетические обобщения и в критическом анализе (вспомним статью Вайнштейна), но можно дать их и в теоретическом сочинении (вспомним знаменитую диссертацию Чернышевского). Тут различие в форме. Важно, чтобы эстетика выполняла свои особые задачи. Когда говорят об отрыве эстетики от искусства, то забывают, что если перед нами все-таки эстетика, то она не может быть оторвана от искусства, но каких бы абстракций она ни поднималась и каким бы огромным ни казалось расстояние между ней и искусством. Бывает уверенность, что по-своему, как методология, она окажет на него влияние. Но только в том случае, если это — эстетика. Недавно в секторе эстетики Института истории искусств АН СССР обсуждалась книга С. Товмасына «К вопросу об объективных критериях оценки произведений искусства» (Издательство Армянской академии наук, 1955). Выступавшие отмечали, что работа производила двойственное впечатление. С одной стороны — «очень правильные» общие положения, можно сказать, защита материалистических философских основ понимания искусства; с другой стороны — редкая беспомощность и путаница в анализе фактов искусства. Получается как будто чудовищный разрыв между теорией и практикой, между эстетикой и искусством. И отсюда впечатление «двойственности». Между тем ни

какой двойственности, очевидно, нет; нет и разрыва между эстетикой и искусством: просто нет эстетики. Вместо эстетики — общеполитические и общезвестные положения об искусстве, которые могут быть отнесены к любой другой форме сознания и, стало быть, существенно эстетическими не являются. Те объективные критерии, о которых идет речь в книге, суть философские, но еще не эстетические критерии. И вот представляете себе, что исследователи, вооруженные этими философскими критериями, совершают прыжок прямо и непосредственно в зону искусства, полагают, скажем, в музыку, берет в руки «действительность» и... бедная музыка!

Вполне понятно, что органической связи между такой «эстетикой» и искусством в этом случае быть не может. Справедливость требует отметить, что С. Товмасын виноват в этих грехах не более других, он только с наибольшей отчетливостью выразил общие недостатки известного периода нашей эстетики, которому, будем надеяться, придет конец.

В газетной статье, разумеется, нет возможности дать более или менее развернутое толкование перечисленных проблем эстетики. Нам важно было обратиться на них внимание художников, критиков, теоретиков и широкой общественности, ибо все эти вопросы, по нашему мнению, выдвигаются в повестку дня практическими потребностями советского искусства, а решение их потребует больших коллективных усилий. Задача нашей эстетической теории состоит теперь в том, чтобы вплотную, бесстрашно, творчески подойти к тем «вечным» проблемам, над которыми в течение многих веков билась человеческая мысль, особенно к вопросу о природе эстетического, о его сущности. В распоряжении наших исследователей — огромная мировая литература, позволяющая учесть многообразие мнений, сопоставить их, классифицировать и т. д. Здесь еще непочатый край работы для истории эстетики, которая — увы! — не подает признаков жизни. Может быть, это связано с какими-то организационными задачами, над которыми следует подумать. Но факт остается фактом: даже марксистская эстетика у нас не изучена и не упорядочена, долгое время вне поля зрения оставалась, например, Плеваха, а также и ряд других крупных теоретиков-марксистов. Не следует забывать, что без истории нет теории, и проба с историей необходимо безоговорочно восполнить.

Международная почта

ОРГАНИЗАЦИЯ ЖЕРТВЫ «ЧЕРНЫХ СПИСКОВ»

«Фонд республиканской организации», существующая в США, опубликовала в конце июня обширный (на шестистах страницах) доклад о черных списках. Этот доклад, посвященный положению в американской кинематографии, телевидении и радио, вызвал шум в прессе. По свидетельству газеты «Нью-Йорк таймс», он написан Джоном Коглем, бывшим редактором католического журнала «Коммонвелл», на основе многочисленных исследований, проведенных группой репортеров. Они проинтервьюировали пятсот человек и собрали множество фактов и данных о положении дел в Голливуде, Нью-Йорке и других городах.

Как отмечается в докладе, преследования десяти прогрессивных деятелей Голливуда в 1947 году было началом, за которым последовала волна репрессий. С 1951 по 1954 год из кинопромышленности были уволены и включены в «черные списки» 212 человек — их объявили «коммунистами» или «сочувствующими коммунистам». Жертвами становились представители либеральной, мыслящей интеллигенции, честные люди, выступавшие против тех или иных несправедливостей.

Из кино и телевидения была изгнана талантливая актриса Марша Хант, с участием которой фирма «Метро-Голдвин-Мейер» выпустила 20 фильмов. Осталась без работы известная актриса Гейл Сондергард, снимавшаяся в 45 фильмах и получившая премию «Оскар», присуждаемую в США ежегодно за лучший кинофильм и лучшее исполнение. Рассказывается в докладе и о том, как была вынуждена оставить сцену и работу в телевидении одна молодая актриса только потому, что она подписала петицию с протестом против фальсифицированного суда и казни негра Вилли Макги.

Людей увольняли не только в тех случаях, когда их вызвали в официальные расследовательские комиссии, но и просто по требованию мракобесов из различных реакционных организаций, вроде Американского легиона, из газет, рекламных фирм.

В докладе приводятся имена тех, кто организовывал травлю сценаристов, актеров, режиссеров. Это, в частности, обозреватель газеты «Нью-Йорк уорлд» телеграмм энд Сан» ярые реакционер Джордж Сокольский, Виктор Ризель, Фредерик Вольфман.

КОЕ-ЧТО О ПИНИЛЬЕ

ГЕНЕРАЛ Густаво Рохас Пинилья 13 июня 1953 года произвел правительственный переворот, после чего сделал себя президентом Колумбии. Он руководствовался очень простым соображением — быть президентом много доходнее, чем генерал-лейтенантом. И, действительно, за три года президентства Пинилья стал миллионером и крупнейшим в стране скотоводом. Он не делает секрета из того, что богатство ему принесла власть. На каждом быке из его необозримых стад выжжено клеймо «13» — в память о тринадцатом июня.

— Снабжать армию мясом буду я! — заявил президент и тем самым обеспечил себе монополий рынок сбыта. Колумбийцы рассказывают о своем президенте следующую историю. Однажды он увидел у фермера замечательных быков и попросил, чтобы фермер продал ему одного. «Но, господин президент, мне неудобно брать у вас деньги. Лучше я подарю вам быка», — сказал фермер. Пинилья пожал плечами: «Как президент я не имею права принимать подарки». «Хорошо», — ответил фермер, — я продам вам быка, но всего-навсего за один песо. Это будет плата для вас. Таких-то фермеров вполне устраивает Пинилья, и он протянул фермеру пять песо. «К сожалению, у меня нет четырех песо сдачи», — сказал фермер. «Не беда», — утешил его находчивый президент, — дайте мне просто еще четырех быков».

Может быть, это и анекдот, но в нем неплохо подмечено характерное для президента Пинильи соображение — хватать и не смущаться. Под этим лозунгом проходит вся его деятельность. Американский журнал «Таймс» рассказывает, что Пинилья потратил миллионы казенных денег на постройку железнодорожной ветки, которая соединила его великолепное поместье с основной магистралью. Когда Пинилья покупает что-либо, он ухитряется не потратить ни одного песо. Как это делается? Весьма несложно. Так, например, колумбийский президент приобрел огромное поместье в Гаммарре за полимиллиона песо, а затем худшую часть поместья продал одной правительственной организации за... те же полимиллиона песо!

Вполне естественно, что при таком президенте народ прозябает в нищете и голоде. Для того чтобы недовольные не мешали ему набивать карман, Пинилья и его клика установили в стране жесточайший режим фашистской диктатуры. Это, прочем, не мешает ему в свободное время разлагаться об идеалах свободы и демократии...

ПОД РУБРИКОЙ «А НЕ СОМКНУТСЯ ЛИ НАД НАМИ ВОЛНЫ?»

«Как вы оцениваете позицию Федеральной Республики в мировой политике?» — западногерманская газета «Нюрнбергер нахрихтен» опубликовала обзор читательских писем. Обзором предислал многозначительный заголовок, отпечатанный яркой зеленой краской: «А не сомкнутся ли над нами волны?»

Помешанные газетой письма свидетельствуют о том, что международные события последнего времени, в частности поездки советских руководителей в Англию, а французских руководителей — в Москву, вызвали живой отклик среди жителей ФРГ. В редакцию посыпались письма, одобряющие действия, направленные на ослабление международной напряженности, и критикующие негативную позицию боннского правительства, которое уклоняется от нормализации отношений со странами лагеря мира и рискует оказаться в изоляции.

«Конрад Аденауэр (иными словами, Бонн) находится в шекотливом положении», — пишет 42-летний служащий из Нюрнберга. «...Канцлер делается все более похожим на борца за политику с позиции силы. Боннская лиса попала в собственную ловушку и теперь должна попытаться найти другой выход». «Аденауэр» слишком связал себя с Западом, — заявляет киноторговец, — но он не имеет права игнорировать Восток. Получается так, что мы как будто живем в доме с яркой рекламой на фасаде и с захламленным двором».

Домашняя хозяйка Г. М., 63 лет, из города Фюрта пишет: «Мы живем сегодня выше наших возможностей. Ведь наше очень сомнительное экономическое чудо покоится лишь на том счастливом стечении обстоятельств, что великие державы были слишком заняты своим вооружением, в то время как мы могли проводить и экспортировать. Мне кажется, что скоро положение изменится». Читатели высказываются за установление контактов и переговоры с Германской Демократической Республикой, за расширение экономических и культурных связей ФРГ со странами демократического лагеря.

19-летний гимназист из Нюрнберга пишет: «В Бонне всегда говорят о том, что если мы съедем с предателями Панкова (резиденция президента ГДР в Берлине... Ред.) за один стол, то раскол Германии станет окончательным. Но разве это не нелепость? Другой читатель пишет: «Боннский комитет газеты, 56-летний комитет, заявляет: «Экономические соображения... убедительно говорят против те-

АНГЛИЙСКИЙ ЮМОР

И в колонии проникает цивилизация...

Уж не кинофильм ли это — он умирает так долго!

НА РИНГЕ — Еще одна такая приманка, и вы будете дисквалифицированы!

НОВОЕ ПАЛЬТО — Честное слово, сэр, вы выглядите в нем прекрасно!

Рисунки на английских газетах «Дейли миррор»

перешей боннской политики. Нужно было бы запросить промышленность, так как по меньшей мере надо наладить торговые отношения со странами восточного блока».

Коммерсант Х. Х. из Эрлангена предлагает избрать путь нейтралитета, неучастия в военных блоках. «Многие годы обсуждается вопрос о создании нейтрального пояса, который проходил бы от Балтийского до Средиземного моря и включал в себя Германию. Я считаю, что именно сейчас наступил подходящий момент осуществить этот план... Нет другого пути, кроме установления взаимопонимания между Востоком и Западом».

Письма читателей, опубликованные в баварской буржуазной газете, показывают, что вопреки политике боннских властей, население ФРГ стремится к укреплению международно-кооперативной сотрудничества.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Г. ГУЛИЯ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.